



МИСТЕР КАМЕНЬ

АННА ОЛЬХОВСКАЯ

Анна Ольховская

Мистер Камень

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63143163
А. Ольховская. Мистер Камень:

Аннотация

Меня зовут Иоланта, я – Каменная Ведьма. Нет, не из камня, конечно, и сердце у меня не камень. Просто моя «фишка» – амулеты из полудрагоценных камней, в магическую силу которых верят мои клиенты. Ну а то, что помогают им не камни, а мой опыт дипломированного психотерапевта, людям, ждущим чуда, знать не надо.

Но я ошиблась, камни все же помогают. О том, что Регина Шестакова не покончила с собой, а была убита, мне рассказал именно камень. Мистер Камень – так Регина назвала один из полученных от меня амулетов, лазурит.

Казалось бы, какое мне дело, убили её или она сама? Регина – всего лишь одна из моих клиенток, не более того. Но она позвала на помощь именно меня. Да, снова камень. Уже другой.

И я не смогла отвернуться и забыть. Ведь мне всего лишь требовалось доказать, что это было именно убийство. А кто, зачем, почему – пусть полиция разбирается.

Я понятия не имела, во что ввязываюсь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	44
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Ольховская

Мистер Камень

Анна Ольховская

* * *

Глава 1

О том, что Регина Харитонова была убита, мне рассказал камень. Не тот свидетель, которого я могу привести в полицию. Да и то, что я – ведьма, вряд ли впечатлило бы стражей закона.

Но обо всем по порядку.

Когда я говорю, что я – ведьма, это не значит, что началось осеннее обострение и самое время вызывать добрую бригаду в белых халатах. Даже при том, что сейчас осень. Ведьма – это в наши дни вполне себе востребованная профессия. У меня даже на визитках написано «ведьма», и такой поворот истории наверняка впечатлил бы безликое множество несчастных женщин, которых в прошлые века казнили за колдовство. За что раньше предавали анафеме, за то теперь с готовностью выкладывают неплохие суммы. Ничего личного, просто бизнес.

Конечно, я не везде представляюсь ведьмой. Вот в налоговой, например. Когда приходит время отдать долг государству, я мигом превращаюсь в «персонального консультанта». Никто не задает мне скучных вопросов вроде «А кого же это вы консультируете?» или «За какие же уроки платят такие деньги?» Являюсь вовремя, отчитываюсь – и ладно. Система давно уже налажена.

В дипломе у меня тоже не слово «ведьма» стоит, не об

этой профессии я мечтала в детстве, не ее старшее поколение моей семьи обсуждало за чашкой чая. *А малышка-то наша почти ведьма-бакалавр, ты ж подумай, как дед Прохор бы гордился!* – не было такого. Я вполне добросовестно изучила профессию психотерапевта и стала неплохим специалистом.

И вот тут возникает вопрос: как можно было из такой уважаемой профессии сорваться в то, что моя тетка, будь она жива, уверенно назвала бы мракобесием? Ха, да легко и просто! Я ведь никому не навязываюсь, я даю людям то, что они хотят. А они неожиданно для меня возжелали ведьму.

Как пела восходящая – в то время – звезда американского шоу-бизнеса Мадонна, *все мы живем в материальном мире, а я – материальная девочка*. Вот он, исток большинства моих карьерных решений. Обеспечивать себя я начала еще в студенческие времена, но совмещать работу и учебу у меня получалось не слишком хорошо. Насколько нехорошо? Основой моего рациона были сосиски, батон и мечта о шоколадке.

Но тогда это меня не волновало. Студентам легко прощается бедность, считается, что это в порядке вещей. Нужно только немножко потерпеть, и сразу станет легче. Но вот учеба была закончена, а легче не стало. Оказалось, что нужно нечто большее, чем просто подождать. Сытые места заняты, умей вертеться!

И я пыталась, как могла, как научили дома и в университете. Хорошим послушным девочкам приходится во взрослой

жизни тяжелее, чем всем остальным. Потребовалось время, чтобы в моей тогда еще белокурой головке прижилась мысль: никто по правилам не играет. Я пыталась работать в частных центрах, но мой доход не слишком увеличился – шоколадка перестала быть мечтой, хотя радости это не принесло. Тогда я попробовала открыть собственный кабинет, благо с деньгами помогли. Я, святая простота, все думала: если мне в университете ставили такие высокие оценки, значит, все мгновенно поймут, какой я классный специалист!

И снова реальность шарахнула меня по голове ржавым тапком, пытаюсь, очевидно, пробиться через кокон жизнерадостности и вдолбить в меня хоть немного ума. Я поняла, что сфера частной психологической практики напоминает вагон метро в час пик. Мест мало, желающих занять их много, все устали, несчастны и порой ненавидят друг друга. Ты надеялась мигом стать уважаемым специалистом – а вместо этого утыкаешься носом в подмышку того, кто старше и крупнее тебя, да еще и зашел в вагон раньше. Я, ко всему прочему, еще и не выглядела специалистом, которому будут изливать душу: слишком молодая, слишком хорошенькая, слишком... женщина, не будем закрывать глаза на очевидное. Хороший психотерапевт – это, как все знают, седой бородатый дядька, подозрительно взирающий на мир из-под кустистых бровей. Не я, совсем не я.

Так я оказалась за бортом, и поначалу мне показалось, что, несмотря на все мои бумажные студенческие достиже-

ния, я совсем не умею плавать. Сейчас пойду на дно, с крабами знакомиться! И тут вдруг родилась эта идея с ведьмой.

Как сейчас помню: я сидела в салоне красоты. Вроде как салон красоты был последним местом, где мне следовало находиться, при моем-то бюджете! Но бюджет как раз был не мой. Это Ксюха подарила мне сертификат, который я могла обратить только в новую стрижку, но уж никак не в колбасу и картошку. А жаль, колбаса с картошкой были бы нужнее...

Это я так считала. Ксюха смотрела на мир иначе. Она сказала, что я в последнее время больше похожа на пыльный комочек, скопившийся в пупке какого-то толстяка, а не на молодую девушку. Так себе тезис, но у меня не было сил с ним спорить. Я действительно чувствовала себя бесцветной, бесплотной и никому не нужной. Я, в отличие от подруги, сильно сомневалась, что новая стрижка чему-то поможет. Но почему нет, если повод появился? Я буду все такой же серой девицей, но уже не с мочалкой на голове, вот радость-то!

Так вот, я сидела на удобном, хотя и изрядно потертом диванчике и дожидалась своей очереди. Рядом устроились две дамы, одна была записана на маникюр, а вторая определенно не собиралась покидать салон, пока из нее не сделают Анджелину Джоли, потому что записалась она на всё без исключения. Они, в отличие от меня, ходили сюда постоянно и были при деньгах. Первое время они, как и безупречно накрашенная администраторша, смотрели на меня как на откровенно чужеродный элемент в черном глянцевом инте-

рьере. Потом их внимание переключилось на плоский телевизор, подвешенный к потолку, и они позабыли обо всем на свете.

А там как раз шло шоу экстрасенсов – одно из многих, я их и тогда не различала, и сейчас не собираюсь. Неряшливого вида тетка средних лет рассказывала заплаканной девице, куда ушел муж этой несчастной. Как по мне, тетка была похожа на продавщицу с рыбного ряда, причем не современного, а откуда-то из девяностых. Но ее увешали амулетами из тонкой латуни, сплели на голове нечто немислимое, похожее на осиное гнездо, и густо покрасили глаза. Это сразу превратило ее или в ведьму, или в городскую сумасшедшую. А раз ее показывают по телевизору, второй вариант отменяется. Телевизору надо верить!

Тетка несла полный бред. Но ее с раскрытыми ртами слушали все: заплаканная клиентка, администратор, которая только что заливала меня жгучим вязким презрением, и две губастые девицы, отдававшие за наведение красоты среднюю зарплату по Москве. Эти женщины, такие разные, неглупые, обеспеченные, верили откровенной шарлатанке! Потому что она выглядела экзотично, как какаду, вдруг оказавшийся в стае дроздов. Потому что она говорила уверенно и смотрела клиентке прямо в глаза. Но разве ж я так не могу? Да я лучше могу!

Это было, как сейчас помню, первое в моей жизни озарение. Я, еще этим утром ронявшая слезы в чашку кофе,

вдруг четко поняла, куда должна двигаться. Бесполезно сокрушаться по поводу того, что общество верит во всякую нелепицу. Я не изменю мир – я и не должна! Но у меня есть возможность, вот как у этой увешанной латунию дамы, принять правила игры и победить.

Входя в салон красоты, я была уверена, что робко попрошу мастера подравнять кончики, как обычно. Опустившись в кресло, я протянула ему образец цвета, в который предстояло окраситься моим волосам.

Это не значит, что я собиралась уподобиться тетке из телевизора, ходить в тряпье и прыгать с бубном под луной. Да и обманывать людей мне не улыбалось – я ведь когда-то осознанно выбрала профессию, мне хотелось помогать людям! И теперь я поняла, что смогу сделать это, не отказывая себе в полноценной жизни.

Пусть и не сразу, но у меня получилось. За эти годы схема работы, которую я для себя выбрала, окончательно сформировалась и уже не подводила меня. У меня был свой кабинет, лишь немногим отличавшийся от кабинета психотерапевта – совсем без магических аксессуаров нельзя, публику нужно впечатлять, но я предпочла обойтись без стеклянного шара, свечей и чучела ворона. Не стала я и устраивать дешевое шоу, на котором я делаю вид, что контактирую с духами мертвых, а прямо сейчас с вами моими устами говорит Элвис Пресли.

Нет, моя работа была проще и честнее. Любой, кто хотел

получить мою помощь, должен был прийти и рассказать мне о своей проблеме. Честно, во всех подробностях, никаких недомолвок. И вот тут обнаружилось первое преимущество того, что я стала ведьмой. Психотерапевту редко доверяют до конца, не все на такое способны. Вроде как взрослые люди и понимают, что должны, что есть врачебная тайна и все такое... Но в глубине сознания все равно остается паскудная мыслишка: а вдруг доктор меня предаст? Использует против меня мои секреты, посмеется надо мной, расскажет моим близким, в каком я состоянии? Нет уж, лучше о самом важном промолчать, так спокойнее! Вот и получается, что врачу мы не рассказываем даже то, чем делимся с подружкой за чашкой кофе. Ничего хорошего из этого не выходит: не понимая проблему, не подберешь лечение.

С ведьмами все иначе. Во мне видели не человека, а посланницу некой непонятной, а потому внушающей уважение силы. Это вам не какие-нибудь шарлатаны, это могущество неизведанного! Иронично, да? Многие люди готовы считать психологов большими шарлатанами, чем самопровозглашенных чародеев и шаманов. Нет, не скрою, профессия была дискредитирована теми, кто объявил себя психологом, закончив трехмесячные курсы. Но это еще один факт, с которым лично я ничего поделать не могу.

Я уже хлебнула недоверия с лихвой, я была робкой девочкой-доктором, просившей о доверии. Теперь же я стала величественной ведьмой, которая доверия требовала. И это ра-

ботало! Потому что у меня за спиной маячили черные крылья разрушительной магии. Мои клиенты боялись: а вдруг, если они расскажут не все, чудо не случится? Кто тогда будет виноват? А если добрая магия обернется проклятьем? Уж лучше не рисковать!

Первое время ирония всего этого меня добивала. В век, когда можно расплатиться в магазине крошечным чипом, встроенным в кольцо, люди придают большее значение волшебству, чем диплому о высшем образовании! Но потом я смирилась и продолжила делать свое дело.

Узнав, что именно беспокоит очередного клиента, я давала советы сначала как психотерапевт, а потом как ведьма. Вы не верите мужу? Да оставьте в покое его телефон, милая! Да, мужчины могут устать настолько, что даже секса не хотят, и это не всегда указывает на наличие любовницы. Хватит его пилить. Сходите на свидание вместо очередной истерики. Позвольте себе любить сначала себя, а потом его. Давайте я расскажу, как правильно дышать, чтобы погасить истерику на корню. А, ну и купите розовый кварц – символ любви, семьи и верности. Обязательно поможет.

В конечном итоге, помогали медитации, работа над собой и доверительные разговоры. Но благодарили за все это розовый кварц. Никто не задумывался о том, что розовому кварцу вообще пофиг, что там у вас происходит в семье, ненавидит муж вашу маму или нет, разведетесь ли вы до бумажной свадьбы. Он – камень, ему реально все равно, где лежать. А

розовый он не из-за магии, а потому что состав у него такой. Но есть объективная истина, а есть то, во что люди предпочитают верить. Второе ценится ими больше и оплачивается лучше.

Вот такими и стали мои будни в роли ведьмы. Беседа – решение проблемы – талисман, который кажется чудом. Это не значит, что я сразу же бросала своих клиентов, как котят с только-только открывшимися глазками. Каждый из них должен был через месяц посетить меня снова и рассказать, решена проблема или нет. Если бы я была психологом, меня бы проигнорировали, нашли бы себе сотню оправданий – голова болит, запись в бассейн на сегодня, да и вообще, ветер встречный. Но ведьму не игнорировал никто. Оно и правильно: ведьма может разозлиться! В лучшем случае просто талисман «отключит», а в худшем и в козленочка превратить может!

Повторные визиты позволяли мне оценить свою работу и понять, в правильном ли направлении я двигаюсь. И знаете, что? За эти два года я добилась таких результатов, которые многим психотерапевтам с бородой и кустистыми бровями даже не снились. Хвала камням, разумеется.

Я освоилась, обрела столь необходимую уверенность в себе, в моей жизни больше не было серьезных потрясений. И вот умерла Регина... а я, похоже, стала единственной, кто понял, что ее убили. Все остальные, включая полицию, приняли версию с самоубийством, смирились и приготовились

забыть.

С Региной мы познакомились чуть меньше года назад примерно так же, как с большинством моих клиенток. Ей кто-то меня посоветовал, сказав, что я творю чудеса. Я покивала и заявила, что это очень мило со стороны советчика и очень важно для меня. Приврала, конечно. Я даже не запомнила, кто ее ко мне направил. Я о таком никогда не просила, а теперь в этом еще и не было необходимости: мой график посещений был забит так плотно, что я не могла выкроить время на отпуск. Кстати, когда я открыла кабинет психотерапии, мухи залетали ко мне чаще, чем люди. Ну да ладно, дело былое.

Гнать Регину я не собиралась. Во-первых, время позволяло мне принять ее. Во-вторых, я увидела, что ей действительно нужна моя помощь.

Я уже наловчилась с первого взгляда определять, кто действительно попал в беду, а кто просто с жиру бесится. Так скучно, что нужно срочно придумать себе несчастье, а то уже шампанское свободно не пьется! Этих по паре фраз распознать можно, их я тоже не прогоняла, но сдирала с них за амулеты в три раза больше, чем со всех остальных. Имейте в виду: они были в восторге. Особенно если случайно узнавали, что заплатили больше, чем другие. Есть такие люди, которые верят, что дороговизна поднимает их над серой толпой и превращает в элиту. Для них каждый год обновляют айфоны.

А вот Регина была другой. Совсем молоденькая – ей тогда было немногим больше двадцати, стильно одетая, очень вежливая, улыбчивая, но с той затравленностью во взгляде, которую не каждый увидит. Регина научилась скрывать свою боль, чтобы, как она потом мне сказала, «не грузить» близких. Ага, не грузить – пока сама на дно не пойдет! Впрочем, Регина обратилась ко мне вовремя, и катастрофы удалось избежать.

Мне хватило получаса, чтобы определить, что у нее все симптомы ОКР. Обсессивно-компульсивного расстройства, то есть. Дрянная штука, в потенциале – очень опасная. Поэтому оставшуюся часть разговора я пыталась выяснить, насколько все серьезно в случае Регины.

Если бы я заподозрила, что ситуация вышла из-под контроля и Регина нуждается в лекарствах, я бы без сомнений прекратила игру в ведьму и связалась с коллегами, работающими в больнице. Пару раз я так уже делала, когда мои клиенты не осознавали, что находятся по самую маковку в болоте, что на них уже лягушки селятся! Денег у меня теперь хватало, да и раньше я не гналась за наживой любой ценой. Так что я могла бы отпустить Регину, снять с себя всякую ответственность за нее. Но тут я почувствовала, что могу помочь.

Обсессивно-компульсивное расстройство – это, если упрощенно, болезненная одержимость пустячными идеями и попытка подавить это состояние определенными ритуала-

ми. Невроз навязчивых состояний, так еще называют. Больные ОКР – это те люди, которые будут мыть руки до крови, если не уверены, что смыли всех микробов. Которые не уснут, пока не расположат подушку правым углом точно к северо-востоку. Которые не смогут есть, если на тарелке не будет продуктов зеленого и желтого цвета. И это я еще безобидные примеры привожу! Человека преследует одержимость какой-то мыслью, она мучает его, как самый жестокий палач, мешает жить полноценной жизнью, требует определенного действия, без которого, как ему кажется, он сойдет с ума. ОКР лечится по-разному. И психотропами тоже. А я, назвавшись ведьмой, потеряла возможность оказывать медицинскую помощь и выписывать лекарства.

Но Регине это было и не нужно. Пообщавшись с ней больше двух часов, я убедилась, что у нее скорее пограничное состояние – тот миг перед болезнью, когда все еще можно переиграть, развернув человека в нужную сторону. Пока что у Регины просто не получалось отмахиваться от проблем, которые все мы считаем мелочью. Например, если она не помнила, закрыла она замок на два оборота или на три, она бросала все и мчалась домой, чтобы проверить. Она по три раза проверяла телефон, чтобы убедиться, звонила она матери или нет. Ее obsessions были бытовыми, ритуалы-компульсии, призванные погасить тревогу, – очень простыми и несложными. Если бы она попала к одному из тех горе-психотерапевтов, которые считают, что даже икоту нужно лечить ан-

тидепрессантами, стало бы только хуже.

Тут ведь вот какое дело... Даже если предположить, что я ошиблась и у Регины уже было полноценное ОКР, пичкать ее лекарствами – это тоже не панацея. Да, они помогают быстро и эффективно. Но стоит ей отказаться от таблеток и – сюрприз! Тревога может вернуться с духовым оркестром. Мне показалось, что в случае Регины проще подкорректировать поведение, она была подсознательно готова к этому, ну и ее наивная вера в магию могла стать неожиданно хорошим подспорьем.

Так что я решила совместить свои трюки каменной ведьмы с некоторыми элементами метода «остановки мысли» – это как раз опробованная схема лечения ОКР. Я сказала Регине, что ей можно помочь, и подобрала для нее талисман.

– Боже, какой он красивый, – восхищенно прошептала она. – Никогда не видела такого красивого камня! Как он называется?

– Лазурит, – с видом древней жрицы, приоткрывающей тайну божества, ответила я.

Я не была удивлена ее реакцией, я знала, что камень ей понравится. Лазурит – красивый камень сам по себе. Он похож на небо в последние часы после заката, когда день сменяется ночью. Уже густая синева – но еще не фиолетовая мгла космоса, еще никаких звезд, только предвкушение того, что будет дальше, магический цвет, чарующий. А на том камне, который я выбрала для Регины, были еще и тонкие вкрапле-

ния пирита. Они тускло мерцали благородным золотом и напоминали молнии, расползающиеся по ясному небу. Вспышка, еще одна, и еще, а эта видна лишь в движении, и кажется, что камень живой, что под его блестящей поверхностью бьется пульс, он действительно все видит и понимает.

Так что да, лазурит красив сам по себе. За него в древности щедро отсыпалось золота – и сворачивались шеи несговорчивых торговцев. Он умеет впечатлить и удивить. А Регину он просто влюбил в себя, потому что я сразу заметила: ей нравится синий цвет. И вот эталонный синий прямо у нее на ладони! Многие недооценивают роль красоты в терапии, а зря. То, что мы считаем прекрасным, лечит нас безо всяких побочных эффектов.

Естественно, я дала ей камень не только для того, чтобы она им любовалась. Лазуриту предстояло стать универсальным противовесом для всех obsessions Регины. Для начала ей нужно было определить, какие действия обычно вызывают у нее тревогу. Это не так уж сложно, когда признаешь проблему, а не бежишь от нее. Дальше Регине следовало выполнять все спорные действия только рядом с лазуритом. Не уверена, заперла дверь или нет? Вспомни, где был в этот момент камень. Хочешь звонить кому-то, но боишься забыть о чем-то важном? Поставь перед собой камень, смотри на него и думай о том, что хотела сказать. Королевская синева с золотом пирита – это необычный объект, резко выделяющийся в окружении Регины, его ни с чем нельзя перепутать, он сам

по себе – акцент и основа всего. Он – фундамент для осознанной жизни.

Обычно я прошу клиентов прийти ко мне через месяц, но для Регины я сделала исключение, я волновалась за нее. В следующий раз она заявила ко мне через две недели, и я едва узнала ее – она сияла. Причем на этот раз она не изображала улыбку, она улыбалась от души. Ей действительно стало легче, терапия, выраженная в маскарадный наряд магии, помогла лучше, чем я думала. Регина дала лазуриту имя, она назвала его Мистер Камень и повсюду таскала с собой. Да она даже в туалет без него не выходила, как будто там ее тоже ожидала серьезная ответственность! Она успокоилась, перестала дергаться по мелочам и по сто раз повторять одни и те же действия. Она получила, что хотела... И, как и все остальные, поверила, что это ведьминская магия. Ну и ладно, мне не жалко, я без сомнений уступила лавры лазуриту. Как говорится, не все герои носят плащи.

Чтобы перестраховаться, я велела Регине прийти еще через две недели, на этот раз – бесплатно, и она явилась с дисциплинированностью школьной отличницы. Все было замечательно, я успокоилась и пожелала ей удачи. Она продолжила жить своей жизнью, я – своей, и вроде как у нас больше не было причин пересекаться.

Но мы все равно встретились три недели назад... за три недели до ее смерти. Увидев ее имя в списке клиентов, я забеспокоилась, решила, что лечение перестало помогать, что

болезнь вернулась. Но нет, когда Регина пришла ко мне, она выглядела уверенной в себе, можно сказать, довольной жизнью. Ее что-то беспокоило, но это была не болезненная тревога, вызванная психическим расстройством, а осознанный страх человека, способного здраво оценить угрозу.

Регина к чему-то готовилась. К чему-то очень серьезно-му. Она пришла ко мне, чтобы попросить талисман, который даст ей смелости и защитит ее от беды. Мне, понятное дело, не понравился такой подход. Следующие полтора часа я потратила на допрос с пристрастием, пытаюсь выяснить, что она задумала.

Но передо мной теперь сидела другая Регина, не та болезненная девчонка, которую год назад так легко было раскусить. Я общалась с умной молодой женщиной, воля которой сделалась нескгибаемой, как закаленная сталь. Регина готова была признать, что ей предстоит нечто очень серьезное, очень важное для нее и, увы, опасное. Но она отказывалась говорить, что именно, и по ее глазам я видела: она готова уйти без талисмана, если придется. Она все равно сделает то, что задумала, просто нервничать будет больше.

Вот и что я должна была сделать? Обратиться к коллегам? Не было оснований! В отличие от того случая с ОКР, на этот раз в поведении Регины не было клинической картины. Она была здоровым самостоятельным человеком, которого никто не будет лечить насильно. Так что мой выбор был ограничен и прост: дать ей талисман или не давать, все. Духовного на-

ставника во мне никто не искал.

После некоторых раздумий я решила подыграть ей. Уже понятно, что она не остановится, будет переть вперед до последнего, как бешеный носорог или сорвавшийся с тормозов поезд. С тем же благоразумием! Но с талисманом она, скорее всего, будет действовать спокойней, она не станет отвлекаться на страх, ее разум останется холодным, а воля – твердой.

Поэтому я дала ей тигровый глаз. У меня как раз недавно появился очень хороший образец – переливающийся золотым шелком, будто наполненный солнечным сиянием изнутри. Он был совсем не похож на лазурит, но все равно понравился Регине. Она была заворожена им: тигр присматривает за ней. Тигр останется на ее стороне несмотря ни на что. Тигр одолжит ей свою силу, если придется. Наблюдая за ней, я убедилась, что сделала правильный выбор. В ее глазах я по-прежнему оставалась авторитетной ведьмой, и я воспользовалась этим влиянием, чтобы убедить ее прийти ко мне через месяц. Я не слишком за нее беспокоилась, я была уверена, что все у нее будет нормально.

А спустя три недели меня пригласили на ее похороны.

Это было очень странное приглашение, заставшее меня врасплох – но иначе и быть не могло. Не только потому, что погибла двадцатитрехлетняя девушка, у которой не было ни одной причины умирать. Просто кто-то провел с ее почты массовую рассылку. С электронной почты покойницы нас приглашали на ее похороны, в ее квартиру! И никакой тол-

ковой подписи там не стояло, я понятия не имела, кто это устроил и зачем.

Вроде как мне было не обязательно идти – но я не могла не пойти. Я была раздавлена этой новостью, я чувствовала личную ответственность за Регину. Мне нужно было знать, что с ней случилось!

Похороны были настоящими. Если бы это оказалось чьей-то дебильной шуткой, я бы даже не стала злиться, я бы простила что угодно, увидев Регину живой! Увы, это был не тот случай. Когда я пришла туда, ее двухкомнатная квартирка была переполнена желающими проводить ее в последний путь. Плохая это идея – проводить прощание в таких условиях. Но не мне решать.

Я очень быстро разобралась, кто за этим стоит. Похороны организовала старшая сестра Регины. Она использовала ноутбук погибшей, чтобы позвать всех, кто знал Регину – а таких было очень много. Регина работала мастером по маникюру и визажистом. Соответственно, сумрачное приглашение получили все, кто пересекался с ней хоть раз. Не все пришли, но и тех, кто воспользовался возможностью попрощаться, хватало, Регина была хорошим человеком. Многие плакали. У входа в квартиру был установлен большой ящик для пожертвований семье. Второй такой же стоял перед гробом, третий – в опустевшей детской. Ящикам сестра погибшей уделяла большее внимание, чем, собственно, покойнице.

Не могу сказать, что меня это приятно впечатлило, но и осуждать я не стала. Я знала, что у Регины осталась маленькая дочка, которую та растила одна. Поэтому я опустила в ящик всю сумму, что Регина заплатила мне, до последней копейки. На душе было холодно и пусто. Но тогда я еще ничего не подозревала...

Я толком не знала, из-за чего умерла Регина, но хотела узнать. Мне нужно было! Я должна была убедиться, что никак не могла это предотвратить. Поэтому, покончив с пожертвованием, я все равно не ушла. Я двигалась через толпу, останавливалась то у одной группы, то у другой, прислушиваясь, о чем говорят гости. Меня никто не знал, но это к лучшему. Мне не нужно было вести здесь светские беседы, только слушать.

Сначала мой слух резануло слово «самоубийство». Все, кто находился в комнате, были абсолютно убеждены, что Регина покончила с собой, и не допускали никакого иного хода событий. А мне хотелось схватить каждую, кто болтал об этом, за плечи, хорошенько потряхнуть и спросить: «Ты хоть понимаешь, что несешь?!»

Мне доводилось встречать потенциальных самоубийц. Изучала я и истории тех, кто сделал этот страшный шаг в бездну. Да, самоубийцу не всегда можно выделить в толпе. Иногда он так умело скрывает горе и боль, что кажется самым счастливым из людей. И тем сильнее шок его близких, когда он все-таки решается, перекидывает петлю через крюк

для люстры или достает в ванной опасное лезвие. *Мы не знали, даже не догадывались, такого не может быть... Невозможно!* Но – случилось, и с этим нужно жить.

Однако такое непонимание простительно только обывателям. Психотерапевт должен увидеть, понять, почувствовать... Я должна была догадаться первой, когда Регина пришла ко мне! Теперь я проматывала ту нашу встречу в памяти снова и снова, весь разговор – от первого слова до последнего. И знаете что? Я не видела, что упустила, где я допустила ошибку!

Регина не готовилась к самоубийству. К чему-то серьезному – да, но это было не самоубийство. Она пришла за амулетом защиты, она хотела жить! Она была всем довольна, обожала свою дочь, она наконец-то избавилась от тревоги, у нее все складывалось отлично... Да что говорить, даже год назад, когда ОКР подкрадывалось все ближе, Регина и мысли не допускала о том, чтобы убить себя.

Конечно, наша с ней последняя встреча состоялась три недели назад, за это время многое могло случиться. Но для того, чтобы подтолкнуть психически здорового человека к суициду, требуется нечто грандиозное! В жизни Регины такого не было. С работой и деньгами все было отлично, ее доченька была здорова, у нее были все причины жить и ни одной – умирать. У Регины была крепкая психика, она многое могла выдержать.

Да и потом, у нее была я! Один раз лазурит, ее личный

Мистер Камень, помог ей. Она убедилась, что магия существует – или обманулась этим, если цепляться к деталям. В любом случае, она пришла бы ко мне за чудом, а не сдалась бы так просто. Картина вырисовывалась страшная: или я совсем ничего не понимаю в людях, или это было не самоубийство.

Но такие сомнения мучили только меня. Всем остальным ситуация казалась ясной – ведь они уже успели узнать всю историю и теперь смаковали подробности!

Той ночью Регина была в квартире одна – если не считать дочери, гостей она не принимала. Малышка мирно спала в своей комнате и не видела того, что произошло дальше. Регина оделась, заперла дверь, но с лестничной площадки пошла не к выходу из дома, а наверх, на крышу. В три часа ночи она прыгнула вниз – в бездну, прямо к своей смерти. При падении тело пострадало, но эксперты были уверены, что Регина не сопротивлялась. Не было следов борьбы, потому что не с кем было бороться – кроме разве что своего безумия. На двери квартиры не нашли подозрительных отпечатков, замок был заперт ключом Регины, следов взлома тоже нет. В квартире сохранился полный порядок, ни единого указания на постороннее присутствие. Тело нашли спустя два часа перед домом...

Вот и все. Так мало требуется, чтобы вместо улыбчивой девушки видеть перед собой закрытый гроб – родственники решили, что так будет лучше. История была логичной и не

допускала причин для беспокойства. Она, такая складная, гасила даже мои подозрения... Потому что, не буду скрывать, я хотела, чтобы они угасли. Я ни в чем не виновата и ничего не упустила, просто... Так получилось.

Я почти поверила. Я была готова уйти, оставить эту квартиру навсегда и превратить Регину в акварельное воспоминание – печальное, но лишённое острой боли. А потом я встретила с Мистером Камнем, единственным свидетелем истинной судьбы Регины.

Он лежал на тумбочке возле дивана-кровати, в белом фарфоровом подсвечнике, выполненном в виде уютного скандинавского домика. Свечи там давно не было, и казалось, что лазурит действительно живет там – на правах единственного владельца, прекрасно знающего, как эффектно белый цвет подчеркнет его сине-золотые переливы.

Я знала, как он туда попал. Регина сама рассказывала мне, когда я спросила о том, как проходит ее «сожитительство» с Мистером Камнем. Она обожала свой маленький талисман, у нее все те действия, которые обычные люди выполняют бессознательно и которые называются паттернами, были завязаны на него. Отправляясь спать, она оставляла его в «домике» возле кровати, а утром забирала оттуда. Получается, вечер перед смертью для Регины прошел как обычно, но потом... Потом что-то случилось.

Кому-то это покажется диким и странным, но вряд ли Регина могла покинуть квартиру без Мистера Камня. Это не

вопрос из серии «хотела – не хотела», она *не могла* это сделать. Он был ей нужен даже для таких банальных вещей, как запираение замка – ведь, по словам здешних сплетниц, он был заперт. Как она умудрилась сделать все это? Лазурит потерял всю власть? Да нет, вряд ли, если она по-прежнему оставляла его возле кровати. И куда вообще подевался тигровый глаз?

Про то, как Регина обращалась со вторым талисманом, я не знала ровным счетом ничего. Укладывала ли она его рядом с лазуритом? Или хранила где-то еще? Где он был, когда она погибла, где он сейчас? Странно уже то, что лазурит остался на месте, но вполне объяснимо. Старшая сестра Регины, определенно уделяющая большое внимание материальной стороне жизни, просто не сообразила, что это полудрагоценный камень, да еще и довольно дорогой. Что же до собравшихся гостей, они не из тех, кто будет красть вещи у покойницы.

Я тоже не из таких, но лазурит я забрала, и вовсе не потому, что вернула плату за него. Я не сомневалась, что родня Регины попросту продаст камень – чего добру пропадать! А он должен остаться рядом со своей хозяйкой, и я об этом позабочусь.

Пока же все мои усилия были направлены на то, чтобы найти второй камень, но они ни к чему не привели. Тигровый глаз будто растворился в воздухе! Одно из двух: или его нашли и забрали родственники, или он остался у убийцы. Настоящего убийцы, о существовании которого никто не до-

гадывается! Мысль об этом бежала по моим венам ледяной водой, наполняя меня изнутри холодом. Жуткое ощущение, давненько я с таким не сталкивалась... Да и не хотела бы столкнуться, но кто ж меня спрашивает?

Я не знала, что делать дальше. Я не верила, что это самоубийство, но никакой толковой версии случившегося предложить не могла. Да и с чего мне заниматься этим? Это только в сериалах каждая посудомойка – частный детектив. Я впервые в жизни столкнулась с убийством и не представляла, как реагировать.

Больше всего мне хотелось отстраниться от этого. Просто забыть, что я видела этот камень, и откреститься от собственных выводов. Притвориться, что я на самом деле ведьма-шарлатанка, которая имеет о психологии примерно такое же представление, как опоссум – о ядерной физике. Мне сказали, что это самоубийство, я поверила – все, конец истории! Я плохо знала Регину, и подругами мы точно не были, у меня не осталось перед ней никаких долгов.

И все равно я так не могла – забыть, смириться... Я должна была сделать хоть что-то. К сожалению, мой выбор «хоть каких-то мер» всегда оставлял желать лучшего.

На следующий день после похорон я пошла в полицию. Как ни странно, меня даже не развернули при входе, снабдив подарочным пинком под зад. Видимо, сказался опыт ведьмы, уже два года раздававшей приказы. Да и зад этот был слишком хорош для казенного ботинка, что уж там...

Я добилась приема у дежурного следователя. Он смотрел на меня глазами дохлой рыбы – но не остекленевшими и мутными, а уже ссохшимися желтыми глазками соленой воблы, которую обивают о край стола дворовые пьянчуги. Я с первых секунд поняла, что ничего хорошего из этого разговора не выйдет. Но я все равно зачем-то пыталась – с упрямством, достойным лучшего применения.

Я не говорила ему про камни и магию. После таких заявлений меня ожидала бы бесплатная поездка в палату с мягкими стенами, а я такие интерьеры, знаете ли, не люблю. Я делала акцент на другое. Регина была моей подругой, я – дипломированный психотерапевт, я точно знаю, что она не могла покончить с собой. Это не делают просто так, должны быть предпосылки, группа риска, а Регина как раз была из тех, кто держится за жизнь до последнего. Неужели это никому не важно? Она бы не бросила свою маленькую дочку на произвол судьбы! Или даже на опеку родни. Я мало что знала о ее семье – но кое-что она упомянула, и некоторые выводы я сделала для себя на похоронах. Регина не хотела бы, чтобы ее дочь воспитывали эти люди!

Но следователь меня не слышал. Он даже не делал вид, что слушает! Думаю, если бы я умела читать мысли, я бы не обнаружила в его голове, покрытой давно не мытыми волосами, ничего нового. Я утомляла его и чуть-чуть раздражала. Он не хотел даже думать о деле Регины. Проверку провели, самоубийцу закопали – все, других дел хватает! Что же до

моих показаний, то в каждом случае суицида находится какой-нибудь знакомый жертвы, который не верит.

Он не сказал «жертвы». Он сказал «жмурика». Все, что мне нужно было знать о его отношении к работе вообще и делу Регины в частности. Его не интересовали такие сложности, как причина самоубийства. Бабы – истерички по умолчанию, может, она прыгнула с крыши, потому что у нее мужика не было!

Так что из участка я вышла в предсказуемо отвратительном настроении. Я уже знала, что для полиции в этом деле поставлена точка. Но и я не собиралась больше дергаться, я сделала для Регины все, что могла. При чем тут вообще я? Мы с не в общей сложности видели друг друга часов пять-шесть! Полиции платят за расследование преступлений – и они спокойны. У Регины была семья – но они даже не чешутся. Думая о них, я выдавала себе индульгенцию. Не должна, не хочу, не обязана.

Мне было жаль Регину, жаль до слез. Но даже так, я готова была принять ту версию правды, в которую уже верили все остальные. Что же до истины...

Ну кого в наши дни волнует истина?

Глава 2

Кладбище всегда казалось мне очень похожим на город. Город-государство со своими жителями, законами, архитектурой. Не похожий ни на что, другая планета, и вместе с тем – очень похожий на жизнь, все еще продолжающуюся за его пределами. Здесь тоже встречаются причудливые памятники архитектуры, а соседи выпендриваются друг перед другом – правда, за счет потомков и по их же воле. Здесь селятся семьями и порой воссоединяются пары, чтобы уже не разлучаться никогда. Или не воссоединяются, как повезет. Мне вот, например, не повезет, но об этом я стараюсь не думать, потому что наивно верю: тот не слишком веселый момент еще далеко.

Признавая скоротечность времени, люди все равно умудряются верить в собственное бессмертие. Я – не исключение. Ну а что делать? Мне приятнее выбирать платье на Новый год, чем надгробный венок. Да и вообще, вся эта посмертная архитектура нужнее живым, чем мертвым. Кто-то устанавливает мраморного ангела, рыдающего слезами осеннего дождя о том, что не успело сбыться. Кто-то засаживает всю могилу капризными цветочками, а потом с остервенением поливает их разведенным навозом. Будто мстит усопшему за что-то. Впрочем, не мое дело.

Когда Лена была жива, она терпеть не могла кладбища.

Понятно, почему: она знала, что ее ждет. Знала за несколько лет до того, как все сбылось – и даже до того, как она сказала мне. Я их не боюсь, напротив, в таких местах я чувствую странное спокойствие. Такое наступает, когда тебе обещают, что все будет хорошо, даже если знаешь, что это все вранье и будет только хуже.

Мне сейчас было очень нужно это спокойствие. Тихий будний день на кладбище, морозный воздух, пронизанный запахом прелых листьев и раздавленной птицами рябины. Тяжелое рыжее солнце лениво укладывается на разноцветные надгробья. С могильных плит смотрят лица людей, которых давно уже нет, будто из окон выглядывают. Некоторые улыбаются, но частенько смотрят угрюмо, как в дуло ружья. Никогда не понимала, зачем последним ликом усопшего выбирают строгое паспортное фото.

Надо мной небо синее, как бывает только в холодный день, и немного желтое из-за нависающих ветвей берез. Они щедро бросают вниз внезапно обретенное золото, пока не задумываясь о том, что очень скоро это превратит их пышную шевелюру в тонкие черные прутьики. Но им и такая прическа идет – они наделены шармом старых деревьев, им сложно быть некрасивыми. Я люблю эту аллею, потому и оставляю машину за воротами – чтобы прогуляться здесь в тишине и пустоте, под выцветшими взглядами тех, кто уже не может уйти. Некоторых я узнаю в лицо, некоторых даже помню по именам. Я понятия не имею, кто это, но я ходила этим марш-

рутом так часто, что не могла не запомнить.

По-настоящему меня на этом кладбище интересует только одно имя, один образ, один вечный приют из черного мрамора. Но я не спешу к нему, долгая дорога – это часть ритуала. Как будто мне все еще нужно произвести впечатление, убедить его, что я не очень-то и спешила! Дурь, конечно... Нужно было сходить к могиле Лены. Не знаю, почему я пришла сюда.

А зачем вообще потащилась на кладбище, отменив все рабочие встречи, – знаю. Мне нужна перезагрузка, нужно хоть что-то, чтобы Регина отпустила меня. Поэтому я, оптимистично считающая себя человеком науки, веду себя как настоящая ведьма: иду к одному мертвецу, чтобы отпугнуть от себя другого.

Отпустить историю Регины оказалось сложнее, чем я ожидала. Я убедила себя, что не нужно лезть в это, и даже смирилась. Но подсознание отказывалось поднимать белый флаг. Оно бомбардировало меня снами о Регине – такой хрупкой, такой юной. Стоило мне отвлечься, и я начинала думать обо всем, что могла бы сделать для нее. Я заиклилась, я была маленькой лабораторной мышью, тщетно пытающейся найти выход из лабиринта. Но выхода нет и не будет, в этом суть – ученые затеяли новый эксперимент, они наблюдают, как мышка сходит с ума, решая задачу с неверными условиями.

Больше всего меня волновала Наташа – маленькая дочка Регины. Она ведь вырастет с верой в то, что ее мать покон-

чила с собой! Ей просто не оставят выбора, ей будут постоянно об этом твердить. Она будет считать, что она в чем-то виновата, что она была недостаточно хороша... может, даже вынудила маму принять такое решение! Когда мать уходит, ребенок ищет причину в себе. Мне ли не знать.

Позолоченная осенью территория берез закончилась, старая аллея утыкалась в пологий холм, в прошлом зеленый, а ныне тоже занятый могилами. Деревьев здесь было совсем мало, да и те тоненькие, молоденькие – земля на вес золота, никто не будет отдавать ее растениям. Если сравнивать кладбище с городом, то эту часть можно было считать районном новостроем, хотя большинству здешних могил не меньше десяти лет.

Я начала медленно подниматься наверх, к небу, к солнцу, к надломленной линии горизонта. Сверху открывается отличный вид на то, что происходит внизу. Думаю, меня видно издалека. А вот я смотрю только на небо, будто к нему и иду.

И только в последний момент, когда притворяться и дальше уже нельзя, я поворачиваю голову в нужную сторону, вижу надгробье из черного мрамора и знакомое лицо, высеченное на нем. Фотография удачная, не с паспорта. Он смеется. Каждый раз я надеюсь, что вот теперь точно будет не больно, уже ведь не впервой, привыкла ко всему... Но время на самом деле не лечит. Оно позволяет привыкнуть жить с болью, приучает не слишком заикливаться на всех этих «Что было бы, если бы...», разрывающих душу изнутри.

На вершине холма всегда холодно, гораздо холоднее, чем внизу, на березовой аллее, но я люблю этот холод, он отрезвляет и притупляет боль, как лед на травму. Когда первая вспышка позади, я в очередной раз позволяю себе подумать, какой все-таки нелепый получился памятник. Начать хотя бы с того, что территория, закрытая дорогим черным мрамором и четко обозначенная бронзовой оградкой, просто огромна. На целый клан, хотя там, внизу, покоится только один человек. Но это с запасом – когда придет время старшего поколения. Одинокое имя, начертанное золотом, смотрится на большой плите сиротой. От портрета веет жизнью – в нем было столько жизни, что даже смерть не сумела ее проглотить полностью, поперхнулась.

Над плитой с именами, прямо в центре, смиренно сложила в молитве изящные руки Дева Мария. Рядом с ней, по обеим сторонам от мрамора, устроились три бронзовых ангела, пухлые и печальные. Оградку украшают кованые растения – пионы, ландыши, розы и ветки плюща. Всего этого слишком много, слишком нарядно. Каждая деталь сама по себе была бы неплоха, но вместе они становятся посланием слишком глубокого горя. Как будто те, кто остался в живых, пытались загладить свою вину перед умершим, одаряя его тем, что ему уже не нужно. Отец семейства на такое бы не пошел, я его знаю, он умный дядька – все в себе, ничего для толпы. Думаю, дело взяла в свои руки его жена. А Ларин-старший просто санкционировал это угрюмым «Да делай ты что хочешь,

женщина!»

Она и сделала. Не думаю, что это понравилось бы тому, кто смотрел на меня с портрета на мраморе. Мне иногда кажется, что в тихой песне ветра я слышу его смех... *Они похоронили меня под свадебным тортом с розочками – нет, ты можешь себе это представить? Додумались!*

А может, он не сказал бы ничего. Он любил мать и понял бы, зачем ей это нужно.

Рядом с лавочкой из черного дерева на границе черного мрамора стоят большие вазы из этого же камня. Они – для живых цветов. Очень правильное решение, обычно живые цветы на кладбище – так себе идея. Из-за дождей и ветра они быстро гниют, становятся скользкими, налипают на все подряд. Потом вместе с ними приходится выкидывать декоративный гравий или долго отмывать плиту. Я это знаю, потому что подруги Лены таскают на ее могилу тюльпаны, и отучить их от этого невозможно, равно как и приучить убирать за собой.

Но эта могила – прибранная, недавно тут кто-то был. В одной из ваз стоят белые хризантемы, уже тронутые ночными заморозками, но вполне симпатичные. Рядом с ними – ссохшиеся розы. Их я выбрасываю и заменяю на те, то принесла с собой.

Два цветка с крупными соцветиями. Толстые, будто из бархата вырезанные лепестки. Цвет – багровый, очень темный, на изломе будто бы черный. Да и сорт называется «Чер-

ная магия», хотя выбирала я его без отсылки на собственную профессию. Подарки для мертвых – это дань со стороны живых, и мой подарок заставляет меня думать о грязи и запекшейся крови. Я даю ему понять, что все помню.

Покончив со сменой цветов, я уселась на лавочку перед могилой. В абсолютной пустоте, поглотившей кладбище, я не вижу угрозы. Как раз такие условия мне и нужны, при тех, кто еще жив, я не решусь говорить о том, что для меня по-настоящему важно.

– Ты будешь смеяться, но мне снова нужна твоя помощь, – говорю ему.

Нет нужды произносить это вслух. Он меня не услышит, он далеко... глубоко. Но мне хочется, чтобы рядом с мелодией ветра звучал настоящий голос.

Давай притворимся, что мы оба здесь.

– Не могу сказать, что я попала в беду... Собственно, меня это вообще не касается. Только вот никто, кроме меня, не ищет правду. Речь пойдет о моей работе. У меня есть клиентка... у меня была клиентка. Я тебе о ней расскажу.

И я действительно рассказываю. Образы мертвых в чем-то похожи на марионеток: у нас есть власть над ними, именно мы придумываем, что они сказали бы, что сделали бы здесь и сейчас. Иногда это даже противоречит реальности, потому что так нужно. Например, безжалостно циничная часть моего сознания говорит, что он вряд ли даже дослушал бы меня, он терпеть не мог долгие рассказы. Но он мертв, и это уже

не важно, поэтому я воображаю, что он сидит здесь, на этой лавке, и осторожно обнимает меня за плечи, чтобы показать: он рядом, он на моей стороне.

Рассказываю я больше для себя, чем для него, и снова вижу кучу нестыковок. Оставленный у постели талисман. Потерянный тигровый глаз. Короткий промежуток времени между каким-то важным решением, принятым Региной, и ее внезапной смертью. Все те действия, которые она не могла совершить по доброй воле.

– Я точно знаю, что она себя не убивала. Я не могу больше притворяться, что это не так. Зато я не знаю, что делать! Меня никто не поддержит, мне никто не поверит. Получается, если разбираться в этом, то только самой. А я понятия не имею, с чего начать! Когда читаешь книжки, кажется, что все просто. Иди, собирай улики, говори со свидетелями... Да не будет со мной никто говорить! Я всего этого не умею...

Он продолжает смотреть на меня с надгробья. Портрет бесцветный – лазером нанесен на камень. Но в сухую погоду его линии кажутся светло-серыми, такой вот контраст внутри камня. Поэтому и глаза, в которые я смотрю, светло-серые. Это правильный цвет, настолько правильный, что даже жутко.

Он бы наверняка вызвался помочь мне. Не из жалости к Регине, она его особо не волновала. Но теперь запахло жареным, приключениями, безрассудством... Да, он подписался бы на это не глядя. Поэтому я снова пользуюсь правом кук-

ловода и заставляю его вымышленный образ говорить мне, что я должна побережь себя и не лезть в дело, от которого веет криминалом. У меня ведь работа... Обязанности... И вообще... Ну а то, что дочка Регины вырастет с этим грузом на душе... Мое какое дело? Меня никто не спас, сама выкрутилась!

– Мне не нужен план действий, – уточнила я. – Нужно, чтобы ты подал мне знак. Я ведь тоже верю в мистику... Чуть-чуть верю. Только – т-с-с! Не говори никому. Если ты дашь мне знак, клянусь, я остановлюсь и дальше в эту историю лезть не буду.

Следующие минут десять-пятнадцать я сидела на лавочке и честно ждала знака. Знака не было. Сложно сказать, на что я вообще надеялась... Может, на то, что внезапный порыв ветра бросит багрово-черные розы к моим ногам? Или что на мраморное надгробье вдруг сядет маленькая, взъерошенная от холода птичка? Нет, что это я, какая маленькая птичка – черный ворон! Тогда я буду знать, что он наблюдает за мной и поддерживает мое решение.

Но знака не было, а ждать становилось совсем уж неудобно. Осеннее солнце не грело, и я рисковала примерзнуть к скамейке. Еще один бронзовый ангелочек, никто и не заметит! Так и не получив ни совета, ни поддержки, я собралась уходить.

Я поднялась, поплотнее завязала шарф, частично закрывая им лицо, я была уверена, что я все еще одна на кладби-

ще, и относилась к этому вполне обыденно. Лишь повернувшись спиной к могиле, я увидела на дорожке темную фигуру. Среди ярких красок осени и рыжего солнца она казалась слишком черной – как пролом в пространстве, как вестник из другого мира. А хуже всего было то, что она стояла достаточно близко и я смогла рассмотреть этого человека.

Я не удержалась, вскрикнула – от страха, даже законченный идиот не принял бы мой вопль за удивление. Потом я прикусила язык, но было уже поздно. Конечно же, он все понял, хотя по его лицу невозможно было догадаться, как он отреагировал и что почувствовал.

Да я и не стала долго всматриваться в его лицо, просто не могла. Мы живем в цивилизованном мире и привыкли делать то, на что животные неспособны. Например, подавлять свои инстинкты, чтобы вести себя *правильно, уместно и корректно*. Не шарахаться, когда страшно, улыбаться тем, кто неприятен, врать, что все хорошо, когда все плохо. Я так умею, тоже ведь не в лесу выросла.

Так что я знала, что правила корректности велели мне смотреть на собеседника, не отводя взгляд, и мило улыбаться ему той резиновой, ничего не значащей улыбкой, которую обычно шлепают на лицо куклы Барби. Не знаю, почему у меня не получилось сегодня... Причин было много, на самом-то деле. Я устала из-за постоянных сомнений, связанных с делом Регины, в этом месте я всегда чувствую себя более уязвимой и... лицо, на которое я сейчас смотрела, было

слишком похоже на то, что было изображено на черном мраморе. Вернее, остатки лица. Возможно, если бы речь шла о постороннем человеке, ничего не значащем для меня, я бы сказала, что все не так уж плохо – и не соврала бы. Но в этом случае, я знала, что *было* и что *стало*. Поэтому я отвела взгляд, уставилась на мерзлую траву, и мне стало легче. Стыдно, но легче.

– Извини, – пробубнила я. – Я не ожидала увидеть тебя здесь.

Сущая правда. Я вообще никого здесь увидеть не ожидала, а уж его – тем более. Собственно, в любом месте на планете я предпочла бы не сталкиваться с ним.

– Я тоже, – отозвался он. Голос звучал ровно и холодно.

Даже если он был оскорблен моей реакцией, он не собирался этого показывать. А может, мои вопли просто не сумели его задеть. Он ведь сильный, сильнее, чем я. Я бы на его месте не справилась. Красота, обращенная уродством, – то еще испытание. Конечно, вслух я это никогда не произнесу, но хотя бы в своих мыслях я могу быть честна.

– Я прихожу сюда по будням, чтобы никого не побеспокоить... Я понимаю, что мне тут не рады... Да если бы я заметила, что ты приближаешься, я бы сразу...

– Что – «сразу»? Сразу бежала бы в кусты?

Жестко, но верно. Мы оба понимали, что мои попытки оправдаться звучат неубедительно, куда менее честно, чем мой первый крик.

– Я не хотела, чтобы так получилось, – твердо произнесла я. Несложно быть уверенной, если говоришь правду. – Я уже ухожу.

– Я не гоню тебя. Я могу подождать в стороне. И если тебе это важно, я не слышал, о чем ты тут говорила.

Я хотела сказать, что ему следовало бы пораньше обозначить свое присутствие, но прикусила язык. А как он должен ходить по кладбищу, с фанфарами или с магнитофоном на плече?

– Спасибо, но я как раз уходила. В любом случае.

Инстинкты требовали, чтобы я обошла его стороной. У могилы свернула налево, поднялась на вершину холма, а уже оттуда через аллею старых голубых елей, а не через березовую, прошла бы к воротам. Это была бы демонстрация, но она позволила бы мне не проходить слишком близко.

Однако момент слабости прошел, я уже взяла себя в руки и не собиралась оскорблять его еще больше. Я направилась вниз по дорожке и прошла мимо него так же, как прошла бы мимо любого другого человека. Ну а о том, что у меня внутри все замерло, как у полевой мыши перед распахнутой пастью змеи, он не знал. Надеюсь, что не знал.

Вот тут мне бы следовало просто промолчать, закончить эту встречу и дуть к машине, не оборачиваясь. Но нет же, мне зачем-то понадобилось открыть рот и задать вопрос! Сама не знаю, зачем. Ответ мне был не нужен.

– Ты надолго в Москву?

Спросила – и сжалась, не обернулась. Дура дурой, честное слово!

– Навсегда, – коротко ответил он. – Я больше не уеду.

– А... Понятно.

Снова вранье. Ничего мне было не понятно. А в частности – как принять эту новость и как жить с ним теперь в одном городе. Я ускорила шаг, чтобы побыстрее добраться до ворот. Я ни разу не обернулась, чтобы не видеть его, хотя меня не покидало чувство, что он смотрит мне вслед. Не думаю, что он на самом деле смотрел.

В себя я пришла лишь в машине. Сообразила, что меня трясет не по-детски, и пожалела, что не могу выпить. Подумать только, а ведь недавно самой большой моей проблемой было дело Регины!

Тут до меня дошло, насколько странно все сложилось, и я рассмеялась. Это был нервный смех, невеселый, отзвуками намекающий на истерику, и я была рада, что никто его не слышал. Это ведь знак! Знак, который я просила! Только я ожидала птичку или розочку, а получила его – силуэт на фоне ясного неба, человека из воспоминаний, от которых я привыкла отворачиваться. Я пришла сюда, чтобы позабыть о расследовании, а теперь я тянулась к нему. Я должна заняться делом Регины, раз уж я знаю больше, чем остальные. Я сосредоточусь на этом и ни на чем другом, даже если я ей ничего не должна. Понятия не имею, что у меня получится... и получится ли у меня хоть что-то! Но я хотя бы попытаюсь.

Глава 3

Немного успокоившись и заново все обдумав, я поняла, с чего нужно начинать расследование. С вопроса *Кому выгодно?* Правда, панацеей это для меня не стало. Я понятия не имела, кому может быть выгодна смерть Регины – более безобидное создание и представить себе сложно! Я даже не знала, где искать информацию об этом. Но информация неожиданно нашла меня сама. Прибыла с доставкой на дом!

Точнее, с доставкой в кабинет, но свой кабинет я рассматриваю как второй дом. Если честно, сложно сказать, где мне больше нравится находиться, где я чувствую себя безопасней. Этот кабинет я нашла не сразу, раньше снимала комнатку в другом торгово-развлекательном центре, но это было не лучшее решение. Прямо надо мной располагался контактный зоопарк, и на поздних сеансах можно было услышать жалобное завывание замученного зверья – с тех пор я контактные зоопарки на дух не переношу. Но я в его целевую аудиторию не входила, старовата уже для этого. А целевая аудитория была в восторге, она каждый день пробегала мимо моего кабинета маленькими, но могучими табунами. Иногда они задерживались здесь, но не из-за меня, а из-за магазинчика радиоуправляемых игрушек напротив. И тогда юный продавец, скучающий в любое другое время, оживлялся, и начинались демонстрации товара. Вы когда-нибудь слыша-

ли, как звучат несколько дронов, запущенных одновременно? На взлетно-посадочной полосе спокойней.

В общем, это было не то место, где полагалось обитать солидной ведьме. Потому что я задавала вопрос камню – а ответом мне было козлиное бляение или гул мотора. Так что бежала я оттуда после первой же встречи с рыжими тараканами, приветствовавшими меня однажды утром. Уж не знаю, были они частью контактного зоопарка или пришли покататься на радиоуправляемом вертолетике, я не уточняла. Я восприняла их как усатый знак свыше.

Словно желая отплатить мне за страдания, судьба подбросила мне эту комнатку в небольшом, только-только достроенном развлекательном центре. Комнатка шла без чистовой отделки, но это и к лучшему, потому что я все могла обставить под себя, так, как мне нужно, как я хотела – а к тому моменту я окончательно поняла, чего я хочу. Моими соседями были студия рисования для взрослых и тату-салон, так что массового явления детей я больше не опасалась.

Я не собиралась делать из своего кабинета декорации для малобюджетной сказки про ведьму. Никаких зловещих черных тонов, чугунных котлов, тыкв и человеческих черепов, заляпанных пятнами черного и красного воска. Жуткое дурновкусие! Я делала это место таким, каким был бы мой кабинет психотерапевта, если бы я не приняла в свое время радикальное карьерное решение.

Я выкрасила стены в цвет слоновой кости – тот нежный

оттенков белого, который добавляет пространства, но не ассоциируется с больничной палатой. Окно было маленьким, и чтобы добавить света, я разместила на потолке точечные светильники, а вот без центральной люстры решила обойтись – тут тебе и свет, и полумрак, если надо! Для себя я поставила письменный стол из великолепного светло-золотистого дуба, для гостей (преимущественно гостей, если уж быть честной, мужчины в это дело впутывались куда реже) – удобное мягкое кресло и жемчужного цвета кушетку с небрежно брошенными на нее маленькими подушечками. В шкафу, скрытом в стене, я хранила посуду, кофе и несколько видов травяного чая. В общем, здесь было все, чтобы поговорить по душам.

Но и превращать это место в уголок психологической помощи я не стала, не за тем ко мне приходят. Ну, или думают, что не затем. Раз уж я назвалась ведьмой, нужно, как говорят американцы, *practice what you preach*. Если переводить по сути, *живи по принципам, которые проповедуешь*. Люди, приходя сюда, ожидали шоу, и мне нужно было его создать. Но кто сказал, что шоу не может быть стильным?

Так что стены цвета слоновой кости я украсила большими и яркими фотографиями мистических мест, так или иначе связанных с камнями. Сначала хотела фото самих камней, но решила, что это превратит мой кабинет в ювелирный магазин. Так появились изображения Тропы Гигантов в Ирландии, Каппадокии в Турции, статуй Моаи с острова Пасхи, ирландского Ньюгрейнджа, которым я решила заменить слиш-

ком предсказуемый для меня Стоунхендж, и Башни Дьявола в США. Рядом с ними стояли три шкафа-витрины, полностью сделанные из стекла и грамотно подсвеченные. В них хранились полудрагоценные камни, ожидавшие того момента, когда они будут объявлены амулетами.

Чистый маркетинг, между прочим. Каюсь, грешна. В этих стеклянных кубах, укрытые ото всех, камни смотрелись куда более таинственными, чем в каких-нибудь лотках на торговых развалах. Они загадочно мерцали, переливались, подманивали будущих хозяев иризацией. Ими хотелось обладать – так и было задумано.

Финальным штришком стали растения на окне. Понятное дело, у ведьмы не могут расти фиалки или герань – слишком нежненько, знак профнепригодности. Поэтому я поставила на подоконник два горшка с комнатным плющом. Один очень быстро разросся в пышный кустик, а второй словно намеренно решил подыграть мне: он начал ползти своими веточками-щупальцами вверх по раме, создавая пока еще скромную, но пригодную для логова ведьмы зеленую сеть. Зимой я ставила рядом с ними пуансеттию – небольшое растение, полыхающее алыми листьями-цветами, заслужившими ей название «Рождественской звезды».

Тут я могла бы добавить, что, создав идеальный уголок ведьмы, я должна была измениться сама, но это было бы враньем. Я изменилась, когда придумала себе новую профессию, и уже в кабинете, который я делила с тараканами, я бы-

ла другой.

Я не могу сказать, что природа обделила меня. Напротив, я весьма благодарна за то, что получила. Лена, воспитывавшая меня, всегда опасалась, что такая пацанка вырастет мускулистой теткой, в которой женщину будут признавать только по паспорту. Но это она зря: когда пришло время, я обзавелась округлыми бедрами, тонкой талией и очень даже соблазнительной грудью. Талия и ноги остались стройными, потому что я люблю бегать, а мускулы так и не появились, потому что я терпеть не могу тренажерный зал. Лицо у меня милое, но чуть кукольное, всегда так было, преимущественно из-за огромных светло-голубых глаз, которые Лена одобритительно называла небесными, а я – водянистыми, да еще из-за фарфорового оттенка кожи. Вот чего мне при рождении точно не додали, так это цвета! Я из тех блондинок, у которых все даже слишком светлое, пепельные волосы, ресниц и бровей вообще не видно, не накрасишься – и будто нет их. Да и слишком яркий макияж недопустим, я сразу становилась похожа на школьницу, упавшую лицом в мамину косметичку. Не удивительно, что меня не воспринимали всерьез!

Верить, что внешность не важна, – это детская позиция. Наивность, которая допустима лет до четырнадцати, а потом нужно выжигать ее из себя. Да, в идеальном мире внешность не важна и человека на работе нужно оценивать только по профессиональным качествам. Но мы-то живем не в идеальном мире, а вот здесь! Встречают по одежке, народная муд-

рость предупреждала, нечего потом ныть, что вы не знали.

Так что, если я хотела стать ведьмой, девочка-школьница должна была исчезнуть. Она уже провалила испытание личным кабинетом психотерапевта, спасибо, одного урока мне хватило! Поэтому, приняв решение стать другой, я тут же выкрасила волосы в вороной цвет. Как сейчас помню, мастер долго сопротивлялся, убеждая меня, что ничего хорошего из этого не выйдет. Они просто повиснут тремя жалкими ниточками – и все! Но я слишком хорошо знала, что делаю, чтобы отступить.

Когда утихло жужжание фена и стал виден результат, выяснилось, что права была я, а не мастер. Интуиция – хорошая штука, когда дочитаешь инструкцию к ней. Оказалось, что волосинки у меня не три, а куда больше. Просто в своем мышинном цвете они смотрелись бледным отблеском у меня на голове – чуть ли не блеск на лысине. А в новом цвете они засияли, заблестели ручьями нефти, они изогнулись непроницаемо черными волнами мистического тумана, придавая моей коже потустороннюю бледность и подчеркивая оттенок глаз. Когда я сделала черными еще и брови с ресницами, стало совсем шикарно. Уж не знаю, как это работает, но черты лица словно обострились, из них исчезла мягкость резинового пупса. Я наконец-то была той, в чью помощь действительно верили. С тех пор я больше не стригла волосы, зато научилась сама завивать их, и они крутыми волнами падали по моей спине до поясницы, если я ленилась собирать их в

ХВОСТ.

С новой внешностью я могла позволить себе и одежду, которую хрупкая льдинка-блондинка раньше не носила: все эти багровые, фиолетовые и черные тона, кожаные куртки, длинные платья. Но никакого маскарада, никаких тебе черепочков и островерхих шляп, это изначально было для меня табу. Я разрешала себе легкую театральность, когда принимала клиентов, а в обычной жизни ограничивалась дорогими базовыми вещами. Могу себе позволить – и это особенно приятно после того, как не могла.

Как странно... До меня только теперь дошло, что там, во время случайной встречи на кладбище, *он* впервые увидел меня такой. А я даже не сообразила! Куда мне – сначала я была напугана, потом – смущена. Ну а он вообще не показал, повлияло это на него или нет. Он никогда не покажет. Но факт остается фактом: когда мы виделись последний раз, я была бесцветной блондинкой в платьице цвета пыльной розы, я краснела мило и дурацки, я собирала волосы в пучок... Он вообще узнал меня, когда увидел на холме? Или потому и не подошел, что не узнал?

Лучше не думать об этом, ответ я все равно не узнаю. К счастью, к этому моменту наконец явилась Дана, отвлекла меня, и я смогла сосредоточиться на деле.

У меня не так уж много постоянных клиенток. Это и не требуется, большинству достаточно двух сеансов: первая беседа и последующая проверка через месяц. Бывают исклю-

чения вроде Регины, когда я устраиваю две-три проверки, но это не считается. Постоянными я называю клиенток, которые приходят за новыми амулетами снова и снова, и вот тут Дана определенно побилла все рекорды.

Дана Сиротина вообще во многом уникам. Она – единственный популярный блогер, которого я знаю. И когда я говорю «популярный блогер», это не попытка ей польстить, количество ее читателей сравнимо с размером среднего города. Она на этом зарабатывает, причем очень неплохо, всем довольна и менять работу не собирается.

Хотя поначалу у Даны, совсем как у меня, получалось не слишком хорошо. Ну а что делать? Блогер – та еще «профессия»: никаких специальных навыков не нужно, требования к нему размыты, кажется, что это золотая жила, бездонная кормушка. Но пяточков, которые тянутся к ней, больше, чем можно ожидать. Каждый день появляются сотни, если не тысячи новых блогов, создатели которых пытаются заработать виртуальную славу. Получается у считанных единиц, остальные принимают мысль, что кому-то и в офисе сидеть нужно.

Дана сперва пыталась вести блог о моде и красоте – не самая оригинальная идея, вот честно. Она рассказывала, как заботиться о себе и какие тряпочки выбирать в магазине, регулярно выкладывала фото, но оставалась где-то на дне среднего уровня. Это уже не так плохо, но у нее были преимущества: Дана от природы красивая, яркая кареглазая шатенка с пятым размером груди, да и умная она – два высших обра-

зования, неплохой слог. Увы, кое в чем ей не повезло – когда она занялась этим делом, ей было почти сорок, и на пятки ей наступали большегубые красавицы, которые умудрялись ляпать сто ошибок на пятьдесят слов, зато грамотно отставляли попки на фото и умели пользоваться фильтрами.

Так что Дана проигрывала армии прекрасных клонов, пока в каком-то посте не лягнула, что ей пятьдесят пять лет. Она-то пошутила, а народ возбудился, подписчики полились рекой, всех интересовало, в чем секрет ее молодости. Сообразив, что нашла великолепную тему, Дана не спешила указывать на недоразумение, с собственной совестью у нее всегда был короткий разговор. Она справедливо рассудила, что разоблачить ее особо некому, и продолжила играть в вечно юную фею, щедро приправляя посты пикантными фотографиями себя в коротких платьях, мини-юбках, а потом и вообще в кружевном белье. Люди на такое ведутся, и она стала получать первый серьезный доход.

Дальше – больше. Прямо как в той сказке: надоело быть царицей, хочу быть владычицей морской. Несите золотую рыбку. Дана открыла для себя такое бесценное явление, как хайп. Она поняла, что, если всколыхнуть толпу, заставить людей говорить – пусть даже и возмущаться, это принесет куда большую популярность, чем все ее советы по растиранию щек кусочками свеклы. Поэтому она начала писать длинные, вполне остроумные и абсолютно беспринципные посты обо всем на свете. Они не были откровенно хамскими,

они просто умело стравливали людей друг с другом, а чем больше комментариев, тем выше популярность блогера.

Естественно, в этом свете Дана уже не была белой и пушистой. Ее обвиняли в приверженности определенным политическим партиям, религиозном фанатизме и даже проституции. Все это было неверно. Чтобы понять Дану, нужно было учесть, что сама она далеко не жрица любви, ни в одном из смыслов. А вот ее совесть – дама с очень гибкими суставами, способная принять что угодно. У самой Даны попросту не было убеждений, которыми она дорожила бы, и она могла написать что угодно, ничем не поступаясь.

У кого-то это вызывало возмущение... Да у многих это вызывало возмущение, что скрывать! Но тут нужно учитывать, что девяносто процентов того, что вы видите в популярных блогах, – игра на публику. Все эти идеальные тела, умные мысли, счастливые улыбки, из-за которых обычные люди чувствуют себя серыми, безликими и несчастными... Это одна большая игра, правила которой нужно знать. На самом деле, новый пантеон виртуальных людей-богов тоже не идеален, это все вопрос веры. По ту сторону безупречных картинок скрываются все такие же рыхлые талии, полосочки растяжек на попе и заплаканные глаза. Но кто ж смотрит на другую сторону?

Впрочем, вернемся к Данае. Не нужно и говорить о том, что у нее нет проблем с уверенностью в себе. И возникает логичный вопрос: как она умудрилась стать моей клиенткой?

А тут все очень просто, хоть и по-своему парадоксально: Дана суеверна до чертиков, до пороссячьего визга, до стремления сплунуть через левое плечо где угодно, даже если при этом она попадет кому-нибудь в глаз. Ирония? О да. Как психотерапевт, я вижу в этом знак жутчайшей неуверенности в себе, зарытой где-то под стальной волей и высоким интеллектом. Как ведьма, я не имею права болтать об этом, так что рассуждаю о темной энергии, сглазе и порче.

Порчи она боится до дрожи. У Даны вообще много любопытных черт... Она может вылить три ушата грязи на какую-нибудь мировую религию, но боится, что ее начнут преследовать неудачи. Она легко выставляет фото с голыми грудями, кокетливо прикрытыми двумя листиками малины, – так, чтобы ее аккаунт за распространение порно не заблокировали, – но искренне негодует, когда ей в личные сообщения отправляют непристойные предложения с почасовым тарифом, а то и вовсе фотографии половых органов без каких-либо пояснений. Мол, зачем такую красоту комментировать, и так все понятно!

Я нахожу это забавным, иногда мне Дану жалко, но раздражения по отношению к ней я не чувствую. Не она задала правила игры. Все эти темы и фото популярны, потому что на них прибегает толпа. Если Дана начнет писать про разумное, доброе, светлое, от нее все читатели отвернутся. Так кто виноват в сложившейся ситуации – она или толпа? Я бы не смогла вот так жить – у всех на виду. Поэтому я принимала

Дану уже в который раз, чтобы невроз, который она отказывалась признавать, не сожрал ее изнутри.

К счастью, у Даны высокая способность к самовнушению. Получив талисман, она действительно верит, что он работает, и успокаивается. Поэтому купленные у меня камушки теперь охраняют ее от сглаза, злых сил, привлекают ей деньги и удачу. Сегодня она явилась за камнем, который подарит ей спокойствие ума и хладнокровие, дабы унять ее непредсказуемый, как тротиловая шашка рядом с бенгальским огнем, характер. Я намеревалась немного пофилософствовать, а потом вручить ей рыжевато-розовый, похожий на осьминожку кристалл арагонита.

И вот тут наш разговор неожиданно вышел на Регину.

– Слышала, что с бедняжкой случилось? – спросила Дана. – Я две ночи спать не могла! Кто подумал бы... Такая светлая, хорошая!

Да уж, кто подумал бы... Обычно в присутствии Даны я стараюсь оставаться отрешенной и безразличной ко всему, это ее впечатляет. Но тут она меня задела за живое. С тех пор, как я решила разобраться в деле Регины, я только об этом и думала, да все не знала, как начать, как подступиться! И вот – пожалуйста.

Я ведь никак не могла вспомнить, кто в свое время «сватал» мне Регину. Это и понятно, если я буду помнить такие мелочи, у меня голова взорвется. Возможно, буквально. Но теперь ответ сидел прямо передо мной. Регина была зна-

кома с Даной до того, как встретила со мной. Что свело их, таких непохожих? Понятное дело – работа! Регине была доверена высокая честь следить за красой ногтей самой Даны Сиротиной. С маникюршами обычно откровенничают многие, а уж Дана откровенничает со всеми, особенности образа жизни. Она рассказала обо мне, Регина заинтересовалась – и вот уже она в моем кабинете, знакомится с Мистером Камнем.

С тех пор Дана и Регина продолжили видеться. И если со мной Регина встречалась за три недели до смерти, то с Даной – всего за десять дней до того, как совершить свой первый и последний полет. Но и тогда она не казалась подавленной!

Напротив, у Даны возникло ощущение, что она чем-то увлечена. Поэтому новость о смерти Регины потрясла нас обеих.

– Так может, это и не самоубийство вовсе? – осторожно предположила я. Если мне удастся привлечь на свою сторону Дану со всеми ее многочисленными связями, дело пойдет куда быстрее! – Может, Регина не сама прыгнула с той проклятой крыши?

– Увы, сама. Я бы тоже хотела верить, что малышка Регина на такое не способна! Да только жизнь – суровая штука...

– Откуда такая уверенность?

– Полиция проводила проверку, – пояснила Дана. – А я узнавала результат. Она ведь мне не чужой человек была, хоть и не подруга!

– При всем моем уважении к полиции, там работают раз-

ные люди, которые по-разному относятся к своим обязанностям. Что если кто-то... хм... недостаточно внимательно подошел к этому делу?

Тут я, естественно, вспомнила следователя с сухими безразличными глазами. Не факт, что именно он проводил проверку по делу Регины. Но что если такой же тип? Ему ведь все равно...

Однако Дана была неумолима:

– На этот раз они были очень внимательны и все равно ничего не нашли. Потому что нечего там находить! Все чудовищно, но честно.

– А почему они были особенно внимательны? – насторожилась я.

– Разве ты не знаешь?

М-да, обожаю этот вопрос... Может, я и знаю, но как я могу дать ответ, если неясно, о чем вообще речь! От создателей таких хитов, как «Ты слышала новости?» и «Ты знакома с этим, ну как его?..»

– Не знаю, – просто сказала я. Объяснять Дана тонкости оборотов речи было бесполезно, после стольких лет в блогинге она была убеждена, что у нее монополия на русский язык.

– Жизнь Регины была застрахована. Поэтому и возникли подозрения: а не воспользовался ли кто-то этим, чтобы получить деньги? Сумма там нехилая!

Вот оно! Вот мое *кому выгодно!* Выгодно родственникам,

которые получают деньги, а со своей родней Регина никогда не ладила, это я знаю наверняка! Но только я воодушевилась новым знанием, как Дана сбила меня прямо в полете:

– Но деньги никто не получит, так что не о чем там говорить.

– Как это – не получит? Почему – не получит? – растерялась я. – А дочь?

– Вообще-то, это все изначально было задумано ради дочери, Регина указала ее как получателя суммы, если с ней что-нибудь случится. Но теперь бедной малышке ничего не достанется. Самоубийство доказано, а это – не страховой случай. Страховые компании разорились бы, если бы выплачивали суммы тем, кто убивает себя!

Не думаю, что эта схема стала бы массовой. Но проблемы страховых интересовали меня меньше всего, я думала только о Регине.

– И давно она это сделала? Страховку оформила, то есть.

– Да года три назад – как начала прилично зарабатывать.

Если бы это случилось три недели назад, когда она пришла ко мне за камнем, ситуация стала бы совсем тяжелой. Но три года назад... Похоже на чистую монету. Регина была матерью-одиночкой, она зарабатывала сама, ей никто не помогал. У нее были причины застраховать свою жизнь! Если бы с ней что-то случилось, ее малышка хотя бы получила средства к существованию, а это достойная причина для не самой любящей родни не сдавать Наташу в детдом. Если Регине

удалось бы дожить до старости, она бы в определенном возрасте получила неплохую сумму – насколько я помню, страхование жизни так работает. Отличная прибавка к пенсии на случай, если бы ей и тогда пришлось рассчитывать только на себя. Но – не сложилось... Опять же, насколько сильным должно было быть безумие, охватившее Регину, чтобы она так поступила? Ведь страховка все усложнила! Сам этот шаг показывает, что Регина была любящей матерью, она заботилась о будущем своего ребенка. И тут она вдруг забывает обо всем, так ей хочется с крыши сигануть! Не сходится, неправильно.

Мне нужно было выяснить, что случилось той ночью.

Но Дана мне в этом помочь не могла. Я уже видела, что она приняла версию с самоубийством и не допускала никаких сомнений. Полиция подтвердила, страховая подтвердила – что еще нужно! Переубедить ее я не собиралась, но это не значит, что она не могла быть полезной.

– Послушай, я хотела бы попросить тебя об одолжении, – доверительно сообщила я. – Я сделала для Регины талисман из тигрового глаза. Он обязательно должен быть закопан на ее могиле, это поможет душе самоубийцы обрести покой!

Боже, что я несу? Если б мой преподаватель психологии услышал это, он бы меня по городу погнал балкой, выломанной из основания университета. Но с Даной такие приемы работают лучше всего, она мигом насторожилась, пересела на край кресла.

– Вот! – прошептала она. – Я боялась сказать, но я и правда беспокоилась за душу Региши! Самоубийство – это ведь страшно!

– Не зря беспокоилась, и это очень хорошо, что у нее был талисман. Он поможет... Вернее, помог бы, если бы я могла его найти! Но в комнате Регины я его не обнаружила. Если камень был при ней, когда она... сделала это, если ее положили в гроб вместе с ним, все нормально. Но если родственники оставили его себе, это очень плохо, он их погубит! Он должен вернуться к хозяйке. Ты поможешь мне?

– Что я должна сделать?

– Уточни у полиции, что было обнаружено при ней, когда ее нашли, – попросила я.

– Я все сделаю! Я для малышки Региши на все готова!

Вряд ли она действительно была готова на все, но свое слово она сдержала. В том, что у Даны хватает связей в полиции, я не сомневалась – ведь узнала же она про страховку и результат проверки! Не подвела ее осведомленность и тут, она позвонила мне тем же вечером.

Камня нигде не было. Его не нашли ни в карманах Регины, ни рядом с ее телом. Не думаю, что кто-то позарился бы на него, тигровый глаз – не самый дорогой камень, а чтобы взять его, заляпаный кровью, нужно обладать особым складом ума. Если бы он был с Региной в ту роковую ночь, он бы с ней и остался. Но его просто не было!

На этом Дана не остановилась, она превзошла мои ожида-

ния. Она убедила знакомого полицейского связаться с родней Регины и расспросить их, – весьма строго, подчеркнула Дана, – о том, не находили ли они камень. А родственники Регины были окутаны беспричинным, но цепким страхом перед всеми представителями власти, это я еще на похоронах почувствовала. Они бы не стали врать, рискуя огрести неприятностей, из-за такой мелочи. Они уже осмотрели вещи Регины – много ли их в маленькой квартирке? Но камня, о котором спрашивал следователь, они в глаза не видели.

– Это очень плохо? – обеспокоенно спросила Дана. – Для души Региши, я имею в виду...

– Ничего страшного, я все равно проведу ритуал, просто это будет сложнее, – убежденно соврала я.

– Я готова это оплатить!

– Не нужно, я и сама хотела бы ей помочь. Спасибо тебе за все.

Дана была довольна таким исходом, я – нет. Я получила неожиданную подсказку, но она оказалась не такой уж ценной. Теперь мне предстояло найти ответ на вопрос: куда же все-таки мог сбежать безногий тигр?

Глава 4

«Панелька», в которой снимала квартиру Регина, насчитывала девять этажей, и через все девять она пролетела той страшной ночью. Интересно, на что это похоже? На падение в распахнутую пасть зверя? На утягивающий тебя водоворот? И если я ошибаюсь во всем, и Регина действительно приняла это решение сама... пожалела ли она, опускаясь в холодные объятия смерти? Пожалуй, это самое худшее: понять, что ты совершил глупейшую ошибку на свете, когда ничего уже нельзя исправить.

Но мне об этом лучше не думать, я по-прежнему была готова все силы посвятить тому, чтобы найти убийцу Регины.

Начать я решила с крыши. Вообще-то, Регина не должна была попасть туда. Никто не должен. Крыши в таких домах – это вам не прогулочная площадка. Это грязное и во всех отношениях неприятное место, куда выходят только при необходимости ремонта.

Это по закону, а жизнь, как известно, вносит свои коррективы. Хлипкую дверь, изначально закрывавшую путь наверх, давно уже расшатали подростки и бродяги. Первым просто нечего было делать, вторые не прочь были переночевать там в теплые летние ночи. Естественно, это ни для кого не стало откровением, все прекрасно знали, что на крышу может выйти хоть четырехлетний ребенок. Но все те же безликие

«все» предпочитали закрывать глаза и отворачиваться. Один человек решит проблему быстрее, чем толпа. Если собирается целая команда, ответственность идет по кругу, и никто не желает оставлять ее у себя. Вот и за ремонт двери так никто и не взялся. Хотя я не думаю, что даже надежный замок спас бы жизнь Регине. Тот, кто вынес ей приговор, нашел бы способ привести его в исполнение.

Когда гремит гром, дураки, как известно, сразу же крестятся. Вот и с дверью на крышу вышла та же история: когда возле дома нашли тело, чердаком занялись вплотную, приварили возле него решетку. Меня это не остановило. Я просто поднялась на крышу через лестницу другого подъезда, где была точно такая же проблема, но никто не собирался ее решать, потому что в этом подъезде никто не умер... пока не умер.

Теперь я стояла на высоте девяти этажей и смотрела на город, раскинувшийся в рыже-красных лучах заката. Красиво... Даже вдали от исторических зданий, даже здесь, на спальной окраине, – все равно чертовски красиво! Но Регина всего этого не видела. В три часа ночи мир, с которым она прощалась навсегда, предстал перед ней чередой размытых золотых огней и чернотой без дна и без края. Подумав об этом, я невольно вздрогнула и сделала шаг от края крыши. Я никогда не боялась высоты, но сегодня мне казалось, что она способна спрутом утянуть меня вниз, словно желая отомстить за попытку влезть не в свое дело. И будет еще один

труп у дверей... Удивительный дом – девушки все падают и падают! Придется чинить вторую дверь на крышу...

Я отвернулась от завораживающе прекрасного города, позволив ему спокойно греться на солнце, и приступила к осмотру заросшей мхом и закиданной окурками площадки. Полиция здесь тоже потопталась, иначе и быть не могло. Но не думаю, что они осматривали крышу так тщательно, как пыталась убедить меня Дана.

А вот я всматривалась в каждый сантиметр – внимательно, до болезненной рези в глазах. Я все проверила один раз, потом – второй, чтобы уж наверняка. Когда я шла сюда, я не сомневалась, что у меня получится. Разве тяга к справедливости не должна вознаграждаться? Эй, дорогое мироздание, раз я решилась на это, неплохо было бы меня поощрить!

Но мои потуги мироздание не оценило. Крыша не сообщила мне об участии Регины ничего нового. Здесь не было следов борьбы – и не было камня.

Вроде как это не должно было меня расстроить, потому что исход логичный, а я все равно чувствовала себя ужасно. Меня грызло чувство, будто я подвожу Регину – и Наташу. Особенно Наташу, которую я никогда не встречала и видела только на фотографиях.

Потому что для Регины земной путь уже закончился. Она прошла отведенные ей испытания, успешно или нет – не мне судить, и на будущее она больше не влияла. Но Наташа сейчас погружена в эту трагедию, которая останется с ней на-

всегда!

Есть ли у нее кто-то по-настоящему близкий? Не формальный опекун, а человек, который искренне ее любит. Я вот не могу сказать наверняка.

Отец девочки вообще никогда не появлялся в историях Регины. Несложно догадаться, почему. Я, конечно, гуманистарий, но тут и я сумею посчитать. Наташе шесть лет, ее матери было двадцать три. Следовательно, родила она в семнадцать, а забеременеть и вовсе в шестнадцать могла. Такие истории любви очень-очень редко заканчиваются хэппи-эндом. Гораздо чаще – уголовным преследованием и громким скандалом.

Но в случае Регины, уголовного дела не было, отец так и остался неизвестным и безымянным. Зато без скандала не обошлось. Но без них в семействе Харитоновых почти никогда не обходилось, так что невелик контраст с обычными буднями.

Такие проблемы, как обсессивно-компульсивное расстройство, чаще всего тянутся из детства. В случае Регины, так и было, даже сомневаться не приходится. Матушка ее была увлеченной и убежденной алкоголичкой. К рождению Регины, своего второго ребенка, – алкоголичкой со стажем. Как она умудрилась выносить и родить здоровую девочку – тот еще вопрос. Чудо природы. Но на то, чтобы воспитать ребенка, ее сил уже не хватило.

Нет, когда-то мамаша пыталась сделать это. Старшую

дочь воспитывала она – с переменным успехом. Но к появлению на свет Регины ее энтузиазм угас, да и сожитель ушел в закат, превратившись в *твой папа – летчик, и вообще, отстань!* Регина, как не подошедшая по размеру вещь, досталась бабушке.

А бабушка там была та еще... Нет, не пила. Совсем не пила. Но была тем человеком, из-за которого ее собственная дочь стала пить, не просыхая, а внучка обзавелась ОКР. Сама себя Аделаида Харитоновна звала старой советской интеллигенцией. Я в этом случае могла согласиться только со словом «старая». По факту же, она стала монстром контроля.

Жизнь с ней состояла преимущественно из требований. Она указывала близким, как делать все без исключения, разве что дышать не учила. Требования у нее перемежались с упреками: ты не так стоишь, не так сидишь, не то читаешь, не справляешься, ты хуже всех! Знаю я эту породу. Если такие люди и бывают довольны, они никогда это не признают. Чтобы окружающие не зазнавались! Compliment со стороны Аделаиды Викторовны выражался молчанием и сжатыми в тонкую ниточку губами.

Многое в нашей жизни родом из детства. Тревога Регины так точно появилась тогда. Упала ядовитым семенем на плодородную почву, пустила корни – такие, которые потом не выкорчуешь. Прошли годы, Регина стала взрослой, самостоятельной, успешной даже, но так и не смогла избавиться от прошлого. Она сомневалась даже в простейших сво-

их действиях – дверь не могла спокойно запереть! И только она позволяла себе поверить, что у нее что-то получается, как бабкин голос скрипел ей, что она снова заблуждается. Она так бездарна, что не способна даже здраво оценить ситуацию!

Можно убежать от человека, но не от его образа в твоём сознании. В этом отношении Регине не повезло. Но этого точно было недостаточно, чтобы сломать ее. Скорее, наоборот: пройдя такую школу, она не решилась бы на самоубийство из-за какой-то мелочи!

Так странно... Чем больше я думала о Регине, тем больше хотела помочь. Я ощущала родство с нею! Ведь, если задуматься, я могла быть ею, если бы мне повезло чуть меньше, а она стала бы мною, если бы ей повезло чуть больше. Но сложилось так, как сложилось. Мне судьба послала прекраснейшую Лену, а ей – вечно недовольную Аделаиду Викторовну.

О том, что меня воспитывали не родители, я обычно никому не рассказываю, потому что никого это не касается. Но сама-то я забыть не смогу никогда! Если только память отшибет, как в бразильском сериале, однако я надеюсь обойтись без этого.

То, что мои родители расстались, меня совсем не удивляет. Нет, если я чему и удивлюсь, так это тому, что они вообще сошлись и заключили официальный брак. Думаю, винить нужно времена. Больше тридцати лет назад, когда они встретились, на сожительство без штампа в паспорте еще хмури-

лись, а они были достаточно молодыми, чтобы обращать внимание на насупленные брови окружающих. Они хотели быть, как все, и думали, что это сделает их счастливыми.

Зря думали. Сложно представить двух людей, менее подходящих друг другу. Каждый из них по отдельности был совершенно не приспособлен для брака, а тут двое сошлись! Комбо. У судьбы есть чувство юмора.

Папаня мой занимался организацией концертов. В советское время делать это было чуть сложнее, чем сейчас, но он материальными проблемами не заморачивался. Его вполне устраивала возможность прибухивать где-нибудь в подсобке ДК в компании именитых артистов. Как ни странно, эти возлияния емугодились. Когда на страну разжиревшим голубем свалился капитализм, настала эпоха тех, кто умеет вертеться, и это папенька делал мастерски. Он припомнил некоторым сильным мира сего совместно произнесенные тосты, и они помогли ему основать собственную фирму. Он делал то же, что и раньше, но за другие деньги. Он все так же любил крепкие напитки и девиц без лишних моральных ограничений, а моногамию считал предрассудком прошлого.

Надо сказать, что его наплевательское отношение к моногамии маменьку не слишком оскорбляло. Она видела семейную жизнь примерно в том же свете. Мама – художница, ну, или считает себя ею. Нельзя сказать, что талант, о котором она любит поговорить, поднял ее так уж высоко и обессмертил ее имя. Она, в отличие от папы, крутиться не умела и ча-

стенка сидела вообще без денег. Зато уж в богемную жизнь она погрузилась с головой! Думаю, у папеньки были бы основания сомневаться в своей роли в моем происхождении, если бы я не была так очевидно на него похожа.

Так что разбежались они не потому, что одна из сторон не хотела строить крепкий семейный очаг. Обе не хотели! У них просто были слишком разные представления о красивой жизни, только и всего. Для папы это бухлишко и шлюшки – простите, но – как есть. Шашлычок под коньячок. Машку за ляжку. Вот это вот все. Для матушки красивая жизнь выражалась в бокалах вина на собственной террасе, увитой виноградом, обсуждении Ренуара, занятиях любовью под романтическую музыку на берегу горного озера.

В общем, смотрели супруги в разные стороны. А тут еще и я на них свалилась – со своими воплями по ночам, грязными пеленками и полным незнанием Ренуара. Они оба бежали от меня, как от чумы. Думаю, до моего рождения дети у них ассоциировались исключительно с умильными вещичками в пастельных тонах, розовыми щечками и беззубыми улыбками.

Так что заботы обо мне свалились на голову Лены еще при официальном браке родителей. Не знаю, как она справилась и почему не отказалась... Лена – мамина младшая сестра, хотя лично я думаю, что она в семье подкидыш. Слишком правильная, слишком мудрая и прагматичная. Слишком скучная по сравнению с моей маман – и этим, без преувели-

чения, спасшая мне жизнь.

С учетом всех обстоятельств, удивительно, что мои родители продержались вместе так долго. Их брак окончательно развалился, когда мне было пять лет. Они разошлись обо-зленными и старались больше не встречаться. Папа, спра-ведливости ради, не отказался меня содержать. Мама была убеждена, что он испортил ей жизнь. Это неправда: она и без его участия оказалась бы там, где оказалась. В мечтах и долгах.

Деньги папа на меня давал, но обременять себя ребенком не собирался, так что я осталась на попечении матери и Ле-ны. Попечение было представлено неравномерно. Со сторо-ны матери оно выражалось плюшевым медвежонком, пода-ренным мне на день рождения, и нарядным платьицем на Новый год. Остальное доставалось Лене: мои содранные ко-ленки, уроки, вызовы в школу, боязнь темноты под кроват-ью. Папа в следующий раз мелькнул на горизонте, когда мне было восемь и возиться со мной стало поинтересней. Его стиль родительского воспитания я охарактеризовала бы словом «комета»: он появлялся неожиданно и ярко, быст-ро мелькал и улетал в неизвестном направлении. Думаю, он считал себя хорошим отцом.

Доходы нашей семьи были скромными, но не самыми пло-хими. По крайней мере, мое детство прошло вне зоны дей-ствия радаров службы опеки. Мама налаживала жизнь, что-то где-то рисовала, изредка на этом зарабатывала, а потом

сама же и тратила – минус мишка и платье из ее бюджета. Основными источниками дохода были подаяния папеньки на меня и зарплата тети Лены. Лена работала бухгалтером. Мама, естественно, презирала ее за это: какая пошлая, мещанская, лишенная творческой искры профессия!

Починке своей личной жизни мама уделяла куда большее внимание, чем работе. Она размещала свою анкету во всех агентствах знакомств, в том числе и платных, деньги на которые брала из «мещанской зарплаты» тети Лены. О том, что у нее есть дочь, она никогда не писала. Она считала, что для потенциального жениха это будет приятным сюрпризом.

Она ходила на свидания регулярно, как иные ходят на работу, но принц почему-то не спешил. Не доходило даже до сюрприза в лице меня: она сливала потенциальных ухажеров уже после второго-третьего свидания. Все не то, все не так! Не хватало духов и туманов.

Удача улыбнулась ей только через четыре долгих года, полных слез, истерик и упреков. Маман списалась с французом, который тоже жаждал тихого семейного счастья, вина и террас. Он позвал ее замуж. Она согласилась, даже не встретившись с ним в реальной жизни.

Тогда и настал черед для сюрприза в виде меня. Жениху была направлена моя витиеватая биография и самые умильные фото, какие только нашлись в семейном архиве. Ответ, полученный нами, был таким же сочным, как прошлогодний сухарь. Похоже, перспектива неожиданного отцовства

не воодушевила месье Этьена Моро. Но он был достаточно увлечен матушкой, чтобы смириться с моим существованием. Думаю, для меня бы нашлась уютная будка где-нибудь рядом с их увитой виноградом террасой.

Узнавать это наверняка я не хотела. Мне было всего девять лет, жизнь я толком не знала, но инстинкт самосохранения уже был развит как надо. И он орал в полный голос: не нужно мне туда ехать! Я этой парочке даром не нужна. Я хотела остаться дома, борщи Лены были куда привлекательней, чем политые чесночным соусом улитки, которыми мама додумалась соблазнять маленького ребенка. М-м-м, какая прелесть, поехали, ты там насекомых есть будешь! О да, всю жизнь мечтала.

Мама восприняла мой протест болезненно. Ей претила мысль быть в чем-то плохой, а мать, от которой ребенок спрятался за государственной границей, хорошей не назовешь. Она попыталась применить родительский авторитет, не понимая, что его давно уже не было. Она настаивала и доводила тетю Лену до слез. Я сделала ход конем, коварство которого меня до сих пор поражает, и пожаловалась папе. А папу хлебом не корми – дай свою бывшую укусить! Короче, стало ясно, что никуда я не поеду, и мама укатила в новую счастливую жизнь одна.

Время показало, насколько я была права. Своих детей у маман и Этьена так и не появилось. Они оба уже были достаточно опытными, чтобы осознать: нафиг им это не нужно.

Зато друг к другу они прикипели. Этьен держал собственный виноградник и еще что-то там, я опись его имущества не проводила. Мама рисовала картины и продавала их всем, кто не придумал достойную причину для отказа. Потребность заботиться о ком-то она реализовывала в приюте для бездомных животных, который курировала уже много лет. Там ей комфортней, чем со мной.

Тринадцать лет назад, когда на кладбищенском холме была разрыта свежая могила, а я была белугой и умереть хотела больше, чем жить, мама так и не прилетела. Потому что не сезон, доченька, и билеты сейчас без скидок, очень дорогие! Она прислала мне открытку с грустным котиком и надписью *Mes condoleances*. На французском, да, которого я не знаю. Это не помешало мне спустя пару месяцев написать, куда она может засунуть свои соболезнования. Мы не разговаривали пять лет, теперь вот обмениваемся открытками на некоторые праздники. Я знаю, что у нее все хорошо, и нас обеих все устраивает.

Так что да, я могла понять Регину. У меня тоже не было матери при живой матери. У меня когда-то была Лена, но... теперь-то уже нет. Регине, как и мне, не к кому было прийти за помощью. Но я старше, я опытнее, и порой это чертовски важно.

Возится возле дома Регины я закончила ближе к вечеру. Я облазила и крышу, и лестницу, все девять этажей, но так ничего и не нашла. Замученная и расстроенная до слез, я

направилась к своей машине.

Солнце почти зашло, дом окутывали осенние сумерки, туманные и морозные, как сухой лед. Один за другим включались фонари, горели окна. Я шла, понуро глядя себе под ноги, я уже ничего не искала. Но правду говорят: ты найдешь то, что тебе надо, когда перестанешь искать.

До сих пор не понимаю, как я заметила этот блеск в полумраке! А может, полумрак и нужно благодарить? При свете дня желто-коричневый камень сливался с опавшей листвой, терялся на фоне березовых листиков, занесенных сюда ветром, спал, как истинный тигр, готовящийся к ночной охоте. Теперь же настало время просыпаться – и он позвал меня.

Тигровый глаз, широкий, плоский, формой напоминающий неровный треугольник, притаился возле куста сирени, у самых корней. Днем его и правда было почти не видно. Но с приближением ночи он становился ярче – ему помогал свет фонарей и редееющая листва на сирени. Это был он! Не просто тигровый глаз, а *тот самый*. Все камни уникальны, природа два одинаковых не создаст, и я без труда узнала талисман, выбранный для Регины.

Еще не до конца веря, что мне не чудится, я наклонилась к камню и подняла его. Точно, он. Прирученный тигр на моей ладони. Оставалось только понять, как он попал сюда...

А никак! Не мог, не должен был. Регина упала на другой стороне дома, и даже если бы камень выпал у нее из кармана, – при прыжке или в полете, – он бы никак не покатился

сюда. Она сбросила его вниз? Тогда ей следовало быть настоящим снайпером! Я была на крыше и теперь могла уверенно сказать: попасть оттуда в этот куст было бы очень тяжело, а случайно камень бы сюда не полетел.

Нет, гораздо более вероятной мне представлялась другая версия. Этот куст растет близко не только к дому, но и к парковке, к которой я, собственно, и шла. Что если незадолго до своей смерти Регина прогулялась этим же маршрутом? Но зачем? Машину она не водила, это я точно знаю. Да еще и такое странное место для камня... Вырони она его случайно, тигровый глаз остался бы у дорожки: он треугольный, он не катается. Создавалось впечатление, что кто-то намеренно бросил его именно туда. Хотя понятно, кто!

Ну и что же получается в итоге? Регина ходила к чужой машине, добровольно или принудительно. Скорее, второе, ведь зачем-то же она выбросила камень! Люди с ОКР редко что-то теряют, потому что они всегда настороже. Если бы камень вывалился сам, Регина быстро заметила бы это и принялась искать его. Она хотела, чтобы он оказался там, хотела, чтобы кто-то знал, куда она ходила! И она почему-то не взяла с собой второй талисман, лазурит, он был у кровати... Доказывает ли это, что она оставила здесь камень в свою последнюю ночь?

Было установлено, что Регина умерла в три часа ночи. Но никто ведь не знал, когда она вышла из квартиры! Что если она не сразу пошла наверх? Что если ее отвели сюда, а потом

только убили? Регина догадывалась, что ее ждет, потому и выбросила камень. Может, специально для меня, она ведь и правда считала меня ведьмой!

Я тряхнула головой, отгоняя заползающее в душу чувство вины. Не слишком ли я погрузилась в роль детектива? Возможно, камень просто выбросили из окна, чем не вариант! Насколько я помню, одно из окон квартиры как раз выходит на эту сторону дома.

Я посмотрела наверх, чтобы хотя бы приблизительно просчитать, можно ли было через нужное окно забросить камень в куст сирени, и с удивлением обнаружила, что в квартире горит свет. А не должен! Наташу собирались забрать родственники, квартира была съемной, Регине она не принадлежала. С чего бы кому-то остаться там?

Может, я и не понимала, что происходит, но оставаться в неведении не хотела. Это было не лучшее из моих решений, но я должна была получить ответы здесь и сейчас, поэтому я уверенно направилась к подъезду, спрятав тигровый глаз в карман.

Я звоню в домофон, и первые секунды никто не отвечает. Может, во время прощания просто забыли выключить свет? Но нет, голос все-таки звучит – скрипучий и совсем не молодой. Настолько немолодой, что его обладательница, возможно, в юности боролась за еду с динозаврами. И раз она здесь, а динозавры – нет, понятно, кто победил. Аделаида Викторовна собственной персоной, не к ночи будь помянута.

– Кто там? – проскрежетала она.

Я никак не ожидала, что это будет она. Я даже не была на сто процентов уверена, что она все еще жива! Но теперь нужно как-то выкручиваться.

– Здравствуйте, я – подруга Регины...

– Она умерла, – холодно прерывает меня собеседница. Тем же тоном обычно сообщают «Магазин закрыт, приходите завтра». Никакого сожаления, ничего личного.

– Я знаю. Но на похороны я не успела, я была за городом. Я знаю, что у нее осталась доченька, и хотела бы помочь деньгами, но я не знала, к кому обратиться...

Мне приходится сразу разыграть козырную карту, потому что вряд ли с Аделаидой Викторовной сработает что-то другое. Даже деньги – ненадежная приманка! Старшая сестра Регины точно купилась бы, а бабка может и соскочить.

Но не соскакивает: лучшим доказательством этому служит писк домофона, открывающего мне дверь.

– Поднимайтесь наверх! – приказала мне Аделаида Викторовна.

Остается только порадоваться, что сегодня я оделась не как ведьма. Дорогие ботинки на плоской подошве, классические синие джинсы, куртка с меховым воротником. Не благородная дама, но и не бродяга, достойна доверия – и не чужда деньгам.

Как я и ожидала, Аделаида Викторовна смерила меня всепроникающим, как рентген в аэропорту, взглядом, прежде

чем впустить в квартиру. Но фейс-контроль я все-таки прошла, значит, выглядела платежеспособной.

После прощания в квартире прибрались, однако былого уюта здесь все равно не было. Вещи разложены странно, будто на распродажу, много сумок, пока еще пустых. Чуть дальше – приоткрытая дверь в детскую, из-за которой выглядывает Наташа. Заметив, что я ее вижу, она юркнула обратно в свое убежище, но я не сомневалась, что она все еще где-то рядом.

Квартирка маленькая, осмотреть ее нетрудно, так что скоро я убедилась: здесь остались только Аделаида Викторовна и ее внучка. Но куда же делась старшая сестра, так старательно расставлявшая повсюду ящики для пожертвований?

Аделаида Викторовна не стала приглашать меня на кухню, мы так и остались стоять в коридоре. Она не пыталась сделать вид, что рада мне... Что ж, она хотя бы честна.

– Очень соболезную вашему горю, – сказала я. – Я могу чем-то помочь?

– Тем, чем и собирались.

– Да, деньгами... Для девочки. Вы станете ее опекуном?

– Да, я.

Она ответила без колебаний, как будто других вариантов и не предвиделось. Это была та самая строгость и безапелляционность, о которой упоминала Регина. Даже в почтенном возрасте Аделаида Викторовна оставалась генералом на собственной войне, ее слово было законом, догмой даже. Но

не похоже, что Наташа радовалась такому исходу.

– Я думала, опекуном станет ее тетя. Мне сказали, она рвалась.

Это было ложью, но лишь отчасти. Никто мне ничего не говорил, однако изначально все выглядело так, будто та действительно рвется забрать племянницу к себе.

– Женька, что ли? – спросила Аделаида Викторовна с таким презрением, будто само это имя было страшным оскорблением.

– Да, наверно, она.

– О, она хотела этого! Когда думала, что за девочку дадут деньги. Страховка ее матери! Но денег нет, и девочка не нужна. У Женьки трое своих. Ей четвертый довесок даром не нужен. Все в этом мире покупается и продается.

– Вот как... А вы... Вы сможете... Вы же...

Подобрать правильные слова не получалось. Не то чтобы я боялась обидеть Аделаиду Викторовну – она не внушала мне большого уважения после того, что сделала со своей внучкой. Однако нельзя, чтобы она замкнулась и выставила меня вон! Мне нужно понять, что ей известно.

– Старая? – усмехнулась она, демонстрируя пожелтевшие протезы, слишком ровные и симметричные, чтобы быть настоящими зубами. – Почему никто не произносит это слово прямо?

– Потому что оно считается оскорбительным.

– Дура – вот оскорбительное слово! Это про Регину. А

старость – это факт, который остается только принять. Но я еще не слишком старая. Я вырастила одну девочку, когда была немолодой. Думаю, успею вырастить и вторую, но уже не повторяя тех же ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.